

Иар Эльтеррус Екатерина Белецкая

ДЕНЬ ЧЕРНЫХ ЗВЕЗД

РУССКИЙ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

Екатерина Белецкая
Иар Эльтеррус
День Черных Звезд
Серия «Безумие Бардов»
Серия «Время черных звезд», книга 2

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3116455
День черных звезд: Эксмо; Москва; 2011
ISBN 978-5-699-51472-4

Аннотация

Команда секторальной станции, состоящая из чудом спасшихся в катастрофе Транспортной сети Сефэс, Безумного Барда и трех людей, один из которых загадочный сумасшедший по прозвищу Скрипач, оказываются пленниками на Маданге, планете в свое время из-за постоянных локальных конфликтов изолированной Контролем от прочей вселенной. Но это только первый шаг на их новом, полном смертельных опасностей пути домой. Или туда, откуда может начаться возрождение жизни. Может, если бы не глобальная угроза от новой, неведомой силы, которой пока не может противопоставить ничего даже орден Аарн. Силы, которая с молитвой добру уничтожает триллионы жизней и тысячи миров.

Содержание

От авторов	5
Маданга	6
Руины	41
Превращение	75
Стовер Великолепный	110
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Иар Эльтеррус, Екатерина Белецкая День Черных Звезд

*Нас научили летать по прямой,
И мы вернулись домой,
Обогнув полсвета.
Нам объяснили про великий покой,
А это кто же такой?
И для чего нам это?
Мы оказались за стеклом,
Мы говорим о том, о сем,
О чем – не знаем сами.
А чтобы не было весны,
Нам сделали прививку лета,
И загрузили снами.
На случай атомной войны
У нас кармане две струны,
И лезвие от бритвы.
На случай ядерной зимы
Мы снова слуги тишины,
Мы не забыты.
Нас нет.
Погашенный свет в нашем окне
Не загорится уже никогда.
Но это право, ерунда, такая, право, ерунда...*

«Личное DELO»
Ket263, 2001 г.

Все совпадения с реально существующими

людьми или событиями случайны, роман с начала и до конца является плодом авторской фантазии. Новые термины большей частью объяснены в глоссарии, находящемся в конце книги, либо в самом тексте.

От авторов

В данном сериале речь идет об иной параллели событий и иной вселенной, иной реальности, чем в других наших книгах, поэтому мы просим читателей не удивляться некоторому расхождению событий во времени по сравнению с тем, что было известно им раньше. Здесь все происходило немного иначе. К тому же – время нелинейно, о чем многие забывают.

Маданга

Двумя неделями позже

Лежа ничком в холодной грязи, он ждал, когда колонна, наконец, пройдет мимо. Она тянулась бесконечно, тяжелые боевые машины шли одна за одной, рев двигателей антигравов бил по ушам так, что хотелось вскочить и броситься прочь, но сейчас надо было лежать, неподвижно и не дыша, и ждать, когда же колонна все-таки пройдет, унося с собой вонь, грохот и лязг. Только тогда, выждав еще какое-то время, можно будет встать и продолжить свой путь в сторону леса, сейчас еле видного в осенней дождливой хмари.

Детектор замедлил дыхание почти до нуля, снизил температуру кожи до минимума, и теперь, посмотри кто из колонны на обочину, максимум, что он увидел бы – это холодный труп, покрытый грязью. Любые датчики подтвердят. Впрочем, никто и не смотрел. Видимо, и в этот раз обойдется. Вот только какая же это все-таки гадость – валяться в жидкой придорожной грязи, изображая мертвое тело! Зато есть время подумать. Подумать и попытаться переосмыслить и виденное, и пережитое, и то, во что он, Биэнн Агум Ит, умудрился вляпаться сейчас. Какое точное слово – «вляпаться». Точнее не скажешь.

Как сказал Таенн, так ошибиться – это надо очень постараться. Вместо того, чтобы выйти в расчетной зоне, они оказались на Маданге, планете, закапсулированной больше трехсот лет назад из-за локального конфликта, который грозил перерасти в нешуточную свару уже межпланетного масштаба. Каким-то невероятным образом, видимо, вследствие вселенской катастрофы, система, по словам искина, перешла в пульсирующий режим. То есть она, исключенная из реального мира, стала в этом мире появляться – буквально на часы, а затем пропадать снова. И секторальная станция угодила в реальность Маданги как раз в такой вот несчастливый час.

– Вероятность того, что мы из точки выхода попадем сюда, равняется десяти в тридцать седьмой степени к одному, – угрюмо заявил искин, заканчивая анализ. – Но мы сюда попали.

– И что делать? – спросил Ри.

– А я откуда знаю? – огрызнулся искин. – Говорю же, система в пульсирующем режиме. Видимо, катастрофа что-то сдвинула в капсуле, и она стала размыкаться. А потом смыкаться снова.

– То есть это значит... – начал было Леон, но искин его прервал.

– Это значит, что мы тут застряли на месяц. Мы не смо-

жем выйти за пределы системы. Даже планету покинуть не сможем.

– Почему? – холодея, спросил Ит.

– Потому что капсула – это время, – пояснил Таенн. – Система в нашей реальности отсутствует, потому что отстает от времени реальности на тысячную долю секунды. Да, локальное время везде разное, и течет оно в разных местах с разной скоростью, но эта вот система – она отстает сейчас от всего, понимаешь? Она в режиме «минус один» – от нашего настоящего. А из-за того, что случилось, капсуляция стала сбоить, и система то догоняет нашу реальность, то снова отстает. Это время, Ит. Самая страшная штука на свете.

– А система... – Ит неуверенно смотрел на него.

– Это все вместе. Солнце, планеты и все прочее. Понимаешь, сейчас в нашей реальности нас нет – нигде нет. И никогда нет, – принялся объяснять Бард. – Теоретически мы можем поднять станцию на орбиту и подождать там, но я бы не хотел...

– Не можем, – отрезал искин. – Боюсь, что капсула еще и двойная. Поднять станцию мы сможем разве что над водой, но не выше. Капсулу ставила официальная служба и, поверь, эти ребята свое дело знают. Им совсем не надо, чтобы, например, при снятии капсулы их корабль атаковали с орбиты. Я пытаюсь считать информацию и уже нашел этот пункт – тут ни одно воздушное судно выше трехсот метров подняться не может.

– Почему? – прищурился Ри.

– Тут война и не одна, кажется, – пояснил искин. – Мы очень крупно попали, ребята.

– Может быть, никто не понял, что станция тут оказалась, – попробовал возразить Ит, но Таенн с невеселым смешком ответил:

– Поройся у себя в памяти, парень. Это не заштатная планета из белой зоны, это Маданга. Поройся, и ты поймешь, что нас еще не нашли только по одной причине – слишком заняты чем-то другим. Найдут.

– Что-то мне не по себе, – Леон, до этого молчавший, встал, прошелся по залу взад-вперед, взял прямо из воздуха стакан с резко пахнущей жидкостью и залпом выпил. – И знаете, почему?

– Ну? – Ри с вызовом посмотрел на Сэфес.

– После того, что тут произошло... Ри, ты только на секунду представь, насколько тут после капсуляции любят Контроль, как систему. Или официалов, как систему. Я, конечно, Сэфес, но если бы мой дом оказался в таком же положении, я бы спал и видел, как я этот Контроль вместе с официальными сжигаю на главной городской площади, – ответил Леон.

– Ит, расскажи про этот мир, – попросил Ри.

– Я вроде рассказывал, – Иту совершенно не хотелось снова тащить наружу чужие воспоминания.

– Ты рассказывал всякую фигню и то кусками. Расскажи, что тут было за место до того, как все началось, – Ри выжи-

дательно посмотрел на Ита. Тот подумал секунду, и сдался.
– Хорошо, – ответил он.

...Маданга в свое золотое время была, прежде всего, курортом. Курортом старым, известным и любимым многими. Три государства-гиганта и с полсотни государств поменьше давно уже находились в состоянии пусть шаткого, но все-таки мира – главы этих государств отлично понимали, что начнись война, тут же упадут доходы, а что может быть хуже для страны, чем отсутствие притока средств в казну? Государства поменьше время от времени все-таки вступали в конфликты, но лишь в локальные. Огрызались друг на друга исподтишка, при этом не забывая ласково улыбаться многочисленным туристам. Конфликты в основном возникали, конечно же, из-за территорий, преимущественно – из-за побережий, от которых и был основной доход. Вспоминали друг другу все. И прежние войны, и тысячелетней давности границы, и какие-то религиозные разногласия. Однако дальше конфликтов дело не шло.

Тем более, что за планетой, конечно же, приглядывали. Транспортная Сеть имела тут очень неплохой доход (большой доход вообще возможен лишь в узловых мирах, где за сутки через Машину Перемещения проходит несколько тысяч человек), и была заинтересована в том, чтобы он и дальше не снижался. Официалы, конечно, тоже брали свой налог – и Маданга попадала, разумеется, в сферу их интересов. Войны и конфликты никому были не выгодны.

Такая ситуация сохранялась на планете несколько тысяч лет. Мир хорошо известный, старый, жил, как живут другие, подобные ему, ничем особенным не выделяясь, ни на что особенное не претендуя.

Жил и жил. Пока двое девушек расы рауф не наткнулись в окрестностях маленького городка на собаку с перетянутой проволокой мордой...

– Собаки тут, – Ит поморщился. – Мир-то человеческий, но в их понимании собака... – он замолчал.

– Ты договаривай, договаривай, – подбодрил его Ри.

– Та тварь, которую они подобрали, была почти полтора метра в холке, и весила под сотню килограмм, – мрачно сообщил созидающий. – Это не совсем та собака, скажем так... ну...

– Давай я поясню, – вмешался Таенн. – Это генетически модифицированное животное, предназначенное, прежде всего, для пограничной охраны. Не измененных собак тут давным-давно не осталось. Эта твари очень умные, агрессивные, и ссориться с такой собакой я бы не рекомендовал никому. Ладно, ты продолжай, Ит.

– Попытаюсь. В общем, никто не знает, что у того подростка с той собакой произошло, кто из них на кого первый косо посмотрел, но суть в том, что подросток шарахнул по собаке из парализатора, перемотал ей морду проволокой и бросил. К хозяину собака почему-то не вернулась.

– Может быть, ей стыдно было, – ехидно заметил Морис.

– Может быть, – согласился Ит. – В общем, рауф ее подобрали...

– Как подобрали-то, если она такая агрессивная? – удивился Ри. – К ней, небось, и подойти невозможно – сбежит. Или набросится.

– Как-то подобрали. Может быть, тоже шарахнули из парализатора, – невесело усмехнулся Ит. – Я не знаю. Подобрали, заплатили астрономическую сумму транспортникам и вывезли. Сначала вылечили, а потом вернулись.

– С собакой? – с интересом спросил Ри.

– Без. Хватит ерничать, – оборвал его Ит. – Вернулись и обратились в посольство с требованием наказать виновника.

– Гермо должны водить своих гнусных кошек на коротком поводке, – вдруг сказал доселе молчавший Скрипач. Он лежал на полу, положив под голову руки, и, казалось, спал. По крайней мере, выдав фразу, Скрипач глаза так и не открыл.

– Ну-ка, ну-ка, это интересно, – Таенн присел на корточки рядом с ним. – А что еще должны делать гермо?

– Семейй заниматься, а не в синее играть по восемь размеров, – опять же не открывая глаз, отозвался Скрипач. – В кубе лесть верноподданнических похвал, за сухую ветку лицо не спрячешь.

– Как всегда у Скрипача – информативно, лаконично и по делу, – покивал Бард. – Ит, ты рассказывай, рассказывай.

– В общем, посольство выдало заявление с просьбой о наказании. Сначала – с просьбой, через некоторое время –

уже с требованием. Мне кажется, что Маданга бы нашла какой-то вариант, который устроил и рауф, и то государство, но...

– Появился Антиконтроль во главе с незабвенным Микаэлем Стовером, – заключил Морис. – Догадываюсь, что было дальше.

– Правильно, – мрачно сказал Ит. – Такие, как Стовер, безошибочно угадывают самые слабые точки в любой системе и начинают давить на них. В этот раз такой точкой оказался суверенитет, сначала страны, в которой происходили эти события, а потом, через год с небольшим, и всей Маданги, как независимого мира.

– Независимость... – Таенн нахмурился. – Невмешательство во внутреннюю политику мира Индиго со стороны Мадженты. И боязнь того, что этот прецедент потащит за собой следующие.

– Верно. Раз уступил в этом, то и в другом уступишь, – согласился Ит. – И Маданга начала действовать. Сначала депортировали всех рауф...

– ... а потом это было признано незаконным актом, так? – спросил Ри, созидающий утвердительно кивнул. – Рауф снова разрешили вход в мир.

– И в мир вошла армия, – заметил Леон.

– А на выходе из Машины Перемещения эту армию ждала другая армия, – закончил Ит. – Нет, конечно, я не совсем прав. Транспортников никто в процесс вовлекать не стал,

действия начались на расстоянии, которые сочли приемлемым.

– Можешь не продолжать, – Таенн скривился, как от горечи. – Пакость это все просто чудовищная. Я вообще в курсе о том, что тут было, знаю, правда, не настолько подробно, насколько Ит, но...

– А ты знаешь о том, что тут это все первоначально называли игрой? – поинтересовался Ит. – Да, это была игра – и юридически почти год никто не мог ни к чему придраться. Только когда в дело вступил Антиконтроль и когда начали гибнуть и люди, и рауф, официалы и Контролирующие получили право вмешаться.

– Не знаю, откуда тебе это известно, – Бард сделал ударение на слове «тебе», – но примерно так оно и было.

– А кого обвинили в капсуляции? – спросил Ри.

– Контроль, разумеется, – не задумываясь, ответил Ит. Инженер присвистнул.

– Конечно, Контроль, – кивнул Леон. – Даже официалы остались с чистыми руками. Ну или почти с чистыми, неважно...

– Так вы считаете, что нас найдут? – Ри, как всегда, больше интересовала практическая сторона дела. – И чем это нам грозит?

– Да в принципе, ничем, – без особой уверенности ответил Морис. – Внутри станции им попасть не светит, сами мы просто не выйдем. Дождемся пульса и уйдем. Больше нам

ничего не остается.

* * *

Впервые Ит столкнулся с тем, что Контролирующие могут столь фатально ошибаться. К моменту этих событий он уже понимал, что они далеко не всемогущи, да и сами они не раз говорили об этом, вот только в душе все равно жила надежда, что это не так, что они почти со всем могут справиться, что...

Все оказалось иначе.

Гораздо грубее и проще.

Настолько проще, что ни Иту, выросшему в благополучном замкнутом мире Мадженты, ни Ри, привыкшему с малых лет к непростой, но справедливой жизни в мире Индиго, не пришло в голову что-либо подобное.

Сначала со станцией связался корабль, принадлежащий пограничной охране суверенного государства Гана, на территории которого находилась станция. С корабля передали требование – немедленно поднять секторальную станцию на поверхность, а затем сдать. Искин сухо и сдержанно ответил, что требование отклоняется. Станция находится здесь не в связи с капсуляцией мира, а по совершенно другой причине, и, как только это станет возможно, она покинет планету.

Корабль на час замолчал, а потом с него передали то же

требование. На этот раз рискнул ответить уже Таенн – он более подробно объяснил ситуацию и недвусмысленно дал понять, что ни на переговоры, ни на контакт экипаж станции не пойдет.

– Пойдет, пойдет, – заверили с корабля. – Доконтролировались, суки.

Связь снова прервалась.

– Что все это значит? – спросил Ри.

Таенн, все больше и больше мрачняя, принялся что-то путано объяснять, но сбился, махнул рукой и смолк. Скрипач, как всегда равнодушный к чужому горю, подошел к нему и ласково взял руками за плечи.

– Да уйди ты, чудо, – простонал Бард. – Не до тебя сейчас. Уйди, кому говорю. Не вводи в грех!..

Скрипач насупился и отошел. Ит проводил его беспомощным взглядом, но позвать не решился – они ждали ответа с поверхности, сейчас действительно было не до Скрипача.

– Что они собираются делать? – встревоженно спросил он.

– Не знаю, но вряд ли что-то хорошее, – бесстрастным голосом ответил альбинос. – Ит, Ри, чтобы не происходило, не покидайте станцию.

– В смысле? – не понял Ри.

– Не покидайте станцию, пожалуйста, – в голосе Леона вдруг зазвучали просительные нотки.

– Да с какой радости нам всем ее вообще покидать? – удивился Ри. – Что они нам могут сделать? Взорвут, что ли? Да-

же не смешно.

– Не взорвут, конечно, – заметил Морис. – Им эта станция и самим пригодится.

– Нам она тоже пригодится, – засмеялся инженер. – Нам она вообще-то нужнее, вам так не кажется?

– Ри, хватит ехидства, – вдруг попросил Таенн. – Ребятки, вы все, уж простите, несете какую-то чушь. Ситуация очень серьезная. Маданга, к моему великому сожалению – это вам не Террана, на которой можно было со Стовером в догонялки играть. Это продвинутый техногенный мир, который в капсуляцию попал исключительно из-за своей мерзостности. Его и до капсуляции терпели только потому, что он приносил неплохой доход. Не было бы дохода...

– Не все деньгами можно мерить, – ни с того ни с сего сказал Ит.

– Да при чем тут деньги!!! – взорвался Таенн. – Я сказал хоть слово про деньги?! Положительное воздействие от мира было и очень неплохое – просто потому, что гости этого мира отсюда счастливыми уходили! Понимаешь?

– Не очень, – осторожно ответил созидающий.

– Свое, внутреннее, тут было весьма гадостное. Но для гостей мир был другим. Прекрасное море, пляжи, вкусная еда... и доброжелательные хозяева. Гостям не было дела до внутренних разборок. Да и не посвящал их никто...

– Хорошая планета, но мудакам досталась, – проворчал Ри.

– Именно так, – кивнул Бард. – Если бы не рауф, то, скорее всего, тут и сейчас бы ходили толпы туристов.

– Значит, все-таки «если бы не рауф», – подытожил инженер. – Спасибо за откровенность, Таенн.

– Всегда пожалуйста, – тот отвернулся.

Ит исподтишка огляделся.

Пока они говорили, искин, оказывается, успел приглушить свет и в зале теперь стоял полумрак. Светились каким-то слабым, призрачным светом лишь несколько панелей на стенах, да обрамление панорамного окна, за которым стояла все та же черная безмолвная вода. Скрипач, до этого охотно проводивший время около окна, этой воды явно опасался. По крайней мере, сейчас он сидел на полу у противоположной окну стены и не сводил с окна глаз. То ли ждал чего-то, то ли был поглощен какими-то своими, никому не ведомыми мыслями.

«Наверное, хорошо ничего не понимать, – подумал Ит. – Тот, кто не понимает, он же, наверное, счастливее того, кто понимает. Странно, что я раньше про это не думал... но ведь раньше я и подобных Скрипачу людей не встречал. Хотя нет, я не прав. Что-то он понимает. Не так, как мы, но понимает. И боится. Он же тоже боится...»

– Скрипач! – позвал Ит. – Иди сюда, чего ты там один?

Тот отрицательно замотал головой и нахмурился.

– Густое, зубы, – ответил он. – Холодно...

– Ну, как хочешь, – вздохнул Ит.

– Оставь его в покое, – посоветовал Таенн. – Не лезет ни к кому, и слава Богу.

– Ну вот и все, – вдруг сказал искин. – Ребят, сейчас будет связь. Они вернулись.

– Почему – все? – спросил Морис.

– Потому что, – уныло ответил искин. – Потому что там... Договорить он не успел.

С потолка раздался голос, говоривший на всеобщем языке, который обычно использовались дипломатические службы. Голос звучал сухо, в нем не было даже тени, намека на эмоции, но от этого голоса становилось страшно.

– Обойдемся без предисловий, – начал голос, – а также без приветствий. Мы требуем, чтобы вы подняли станцию и сдались властям Ганы. Поскольку вы уже ответили, что требование выполнять не собираетесь, мы упростим себе задачу. Всем известно, что Контроль очень не любит тупиковые этические ситуации. Поэтому мы вам сейчас предлагаем именно такую ситуацию для очень быстрого решения. На поверхности воды, над станцией, сейчас стоит корабль. На корабле – полсотни детей от пяти до десяти лет. Если вы будете продолжать тянуть, через полчаса мы убьем первого ребенка и позаботимся о том, чтобы вы смогли увидеть тело. Каждые полчаса мы будем убивать по одному ребенку. Это понятно?

Все молчали.

– Значит, понятно, – подытожил голос. – Чтобы у вас не возникло соблазна поиграть в свои игрушки, продолжаю.

На корабле, кроме детей, находится так же десяток эмпатов. Любое воздействие на эгрегор, на Сеть, на все, что угодно, будет отслежено – и в этом случае мы тоже убьем ребенка. Поверьте, мы успеем сделать это быстрее, чем вы успеете этому помешать.

Ит с ужасом посмотрел на Таенна. Тот сидел, закрыв глаза, но взгляд, видимо, почувствовал.

– Успеют, – одними губами подтвердил он. – Я же говорил, это вам не Террана...

– Хорошо, – продолжил голос. – Чтобы не было дальнейших вопросов, продолжу. На станции, согласно тому, что видят эмпаты, находятся еще три существа. Мы требуем незамедлительного ответа – кто это такие. Эмпаты утверждают, что эти трое не имеют отношение к Контролирующим. В случае молчания...

– Это пассажиры, – сказал Таенн. Он резко выпрямился, открыл глаза, и с ненавистью посмотрел вверх. – Это обычные люди. Мы выполним ваши требования, но позвольте хотя бы им остаться на станции! Они ни к чему не причастны, мы просто оказали им услугу, взяв с собой.

– Об этом не может быть и речи, – ответил голос.

– Мы сдадимся, не трогайте людей!

– Тут не вам решать, – отрезал голос. – Даю вам десять минут... для обсуждения вашего положительного ответа. Время пошло.

– Искин, там... – начал Морис.

– Все так, как он сказал, – голос искина звучал так же глухо и безжизненно, как до того – у говорившего. – Я ничего не смогу сделать. Вы, видимо, тоже.

– Мы можем поднять станцию... – начал Ри, но Леон его прервал:

– Поднять и посмотреть, что они будут делать с детьми, сверху, – подытожил он.

– Они не посмеют, – с ужасом сказал Ит.

– Посмеют, еще как посмеют, – горько усмехнулся Таенн.

– Но это же дети!.. – на лице у Ри появилось выражение недоумения. – Мне кажется, они просто пугают нас, и...

– Ты хочешь проверить на практике, правду они говорят, или нет? – спросил Таенн. – Запросто. Через полчаса мы все будем иметь возможность убедиться в том, что они говорят чистую правду. Это не блеф.

– Да не может этого быть! – чуть не закричал Ит. – Ни один нормальный человек никогда в жизни не поднимет руки на ребенка, неважно, любит он детей или нет! Что вы несете все! Опомнитесь!..

– О, Маджента... – простонал Таенн, то ли плача, то ли смеясь. – О, этот маджентовский неистребимый и незамутненный идиотизм... Ит, спустись с небес на землю, посмотри вокруг себя! Ты давно уже не в своем выхолощенном Дс-35, ты в реальном мире, парень!

– Да, он в реальном мире, но в его реальном мире действительно ни один человек не поднимет руку на ребенка, – вдруг

сказал Леон. Ит посмотрел на него с благодарностью. – В его мире – не поднимет. Потому что он живет в нормальном мире, пусть не идеальном, но нормальном, Таенн! И знает, что есть вещи незыблемые и правильные. Да, ты прав, это действительно Маджента. И я горжусь тем, что всю свою жизнь, пусть и недолгую, давал жить им, вот таким, в Мадженте. Да, таким, Бард! Для которых то, что он сказал – вполне естественно. Это не небо, Таенн. Такой и должна быть земля. Любая земля, неважно, под каким солнцем она живет.

– Идеалисты, – прошептал Таенн, опуская голову на руки. – Умные, правильные, патриотичные идеалисты. Сдохнуть от вас хочется...

– Пять минут прошло, – напомнил искин. – Ребята...

– Скажи им, чтобы отводили технику, и поднимай станцию на поверхность, – тихо сказал Морис. – Попрощаемся заранее, перед выходом. Что тут говорить...

– Что же будет? – хмуро спросил Ри.

– А я не знаю, – пожал плечами Морис. – Даже представить себе не могу. Нет, я могу представить, о чем они нас... гм... попросят. Но что будет, когда они поймут, что мы не можем этого сделать...

Вода за окном едва ошутимо дрогнула. Скрипач вскочил на ноги, подбежал к Иту и вцепился тому в рукав.

– Ну-ну, не бойся, все хорошо, – машинально сказал Ит.

– Лучше некуда, – заключил Таенн. – Вот уж действительно.

Дальше все происходящее для Ита (как потом выяснилось, и для Ри тоже) слилось в какой-то непередаваемый мутный поток. События напоздали одно на другое, реакции не успевали за ними, потому что невозможно осмыслить сразу и быстро то, к чему сознание в принципе не готово и не может быть готово.

...Яркое, слепящее солнце над морем, и, контрастом, серо-черная махина военного корабля на антигравитационной платформе, обтекаемая, прилизанная, даже, пожалуй, красивая, но какой-то недоброй извращенной красотой.

...Плотный, соленый ветер, чья-то рука, грубо толкнувшая в спину, минутный страх – столько воды – короткий, как молния, и тут же пропавший. Режущий глаза блеск холодного солнца в мириадах постоянно меняющихся граней.

...машина секторальной станции, быстро отдаляющаяся, бросающая на сверкающие волны гротескно изломанную тень; гигантская золотистая пирамида, словно выросшая из морских глубин. Все дальше, дальше...

...На берегу – ряды приземистых одинаковых строений, песочно-серых, от которых тянет тоской. Длинный и неожиданно белый, ярко освещенный коридор – а сознание уже приготовилось увидеть что-то, похожее на казематы Стове-ра на Терране. Но нет, ничего подобного нет, а есть белые

двери, невидимые светильники под потолком, заливающие коридор белым, с синеватым оттенком, светом; белая комната без какой-либо мебели с крохотным щелеобразным окошком, в которое и руку не просунешь, чистый пол, покрытый мягким упругим материалом.

...Скрипач, намертво вцепившийся в руку, которого так и не оторвали конвоиры, как ни старались, и который разжал руку, только когда за конвоирами закрылась дверь. На руке – белые, онемевшие следы от его пальцев, быстро наливающиеся багровым. Что же ты творишь, нечисть проклятая, больно-то как... Растерянное лицо Ри, лихорадочно озирающегося вокруг – что он ищет? Отсюда не выйти, это и так понятно.

...Куда-то увели Барда и обоих Сэфес, их оставили втроем, попозже зашел какой-то человек, принес еды. Шепот детектора «образ языка активирован». Поблагодарить? Или не стоит?..

– Спасибо, – говорит вдруг Ри. Тоже снял маску языка? Видимо, да.

– Не за что, – невозмутимо отвечает человек. Спокойно поворачивается к ним спиной, не торопясь выходит.

– Тест, – шепчет Ри. – Они проверяют, нападем мы или нет.

...За узким окошком – поразительной красоты закат над морем. Длинный, широкий, но совершенно пустой пляж словно облит жидким огнем – песок сияет и переливается,

а море с наступлением темноты начинает слабо светиться. Да уж, не просто так тут был курорт, планета действительно должна быть удивительно красивой, судя по этому закату над пляжем. Идиллию нарушает глухой рокот – из ангара неподалеку выходит корабль и устремляется навстречу волнам. От неестественности этой картины передергивает. Не должно тут быть таких кораблей, тут должны днем резвиться на песке дети, сопровождаемые степенными родителями, а по вечерам – прогуливаться влюбленные пары, любующиеся закатом.

...Спать на полу неудобно, несмотря на то, что он мягкий. Самое неприятное – отсутствие подушки. Рука, положенная под голову, быстро немеет, приходится переворачиваться на другой бок, но только набегает полусонная полудрема, как снова затекает рука. Рядом точно так же ворочается Ри – инженеру, видимо, так спать тоже в новинку. Одному Скрипачу все нипочем. Свернулся калачиком у стенки и спит без задних ног. Ну, правильно, привык у себя на свалке спать где попало. Зачем мы его забрали? Почему не вернули обратно? Почему не попросили вернуть того, кто мог это сделать – или конклав, или Аарн?.. Жил бы себе и жил, а теперь неизвестно, что с ним будет – он же совершенно беззащитный, да еще и безумен, да еще двух слов связно сказать не может... К тревоге примешивается нотка раскаяния, и спать становится совсем уже не вмоготу. Ит садится.

– Ложись, – доносится сбоку голос Ри. – Неизвестно, что

будет завтра.

...А завтра и впрямь начался кошмар – их троих стали допрашивать. От Скрипача, правда, вскоре отстали и увели его обратно в комнату, но вот Ри с Итом досталось по полной программе. Нет, никто к ним и пальцем не прикоснулся, но задаваемые с небольшим интервалом одни и те же вопросы постепенно начали сначала раздражать, а потом и вовсе вызвали приступ паники, сначала у Ри, а затем и у Ита.

– К какой расе вы принадлежите?

– Как вас зовут?

– Какой мир является вашей родиной?

– Сколько вам лет?

– Расскажите о составе своей семьи.

– Каким образом вы попали на секторальную станцию?

– Кем вам приходится Сэфес и Бард – подчиненными или начальниками?

– Какую функцию вы выполняли на секторальной станции?

– Куда направлялась станция?

– Как вы оказались на Маданге?

Молчать следовало только об одном – Ри ни в коем случае нельзя было признаваться, что именно он управлял станцией. Биокомп, конечно, обманет любую аппаратуру слежения, предназначенную для того, чтобы понять, правду человек говорит или лжет, и тут главное – не сломаться самому. Они терпели, сколько хватило сил, но потом Ри не выдержал

и начал на допрашивающего орать.

– Я уже тридцать раз ответил, что меня зовут Ри Нар ки Торк и что я был на станции пассажиром! Я понятия не имею, куда шла станция и каким образом мы оказались на Маданге!

– Вы утверждаете, что за время вашего нахождения на борту станция посетила несколько обитаемых миров. Почему вы не покинули станцию?

– Нас обещали высадить в мире, из которого можно вернуться домой!!! – выкрикнул Ри. – Я говорил про это, сколько можно повторять!!!

– Неужели из тех миров нельзя было вернуться? – вкрадчиво спросил допрашивающий. Он сидел в тени, говорил бесстрастно, ровно, в его голосе не было ничего – совсем ничего. Ни упрека, ни раздражения, ни сарказма.

– Видимо, нельзя. Я не компетентен в этом вопросе.

– А вы, Биэнн Атум Соградо Ит, знаете, по какой причине контролирующие вас не высадили ни на одной из планет?

– Не знаю и не могу знать. Я преподаватель, специализируюсь на фольклоре и совершенно не разбираюсь в таких вещах, – Иту даже не нужно было врать, он говорил чистую правду, но все равно испытывал все большее раздражение.

– Что вы делали на секторальной станции?

– Ничего мы не делали, – огрызнулся Ри. – Сидели, где было сказано, и ни во что не вмешивались. Они почти никогда не приходили.

– С нами мало разговаривали, – добавил Ит, упрямая следующий вопрос. – Им, кажется, было не до нас.

– Куда шла станция?

– Мы не знаем!

– Куда шла станция?

– Они не говорили нам, куда ведут станцию! – заорал Ри. – Если бы знали, мы бы сказали вам, клянусь, но мы действительно этого не знаем!

– Но отношению к вам Бард и Сэфес вели себя как начальники или как подчиненные?

– Никак они себя не вели, говорю же, они почти не общались с нами, – у Ита возникло ощущение, что он говорит с каким-то особенно тупым студентом или пытается объяснить Скрипачу что-то важное, а тот никак не хочет слушать и совершенно не желает воспринимать. – Зачем вы спрашиваете одно и то же?!

– Каким образом станция оказалась на Маданге?

– Мы не знаем, как она вообще перемещается, и не знаем, почему она тут оказалась, – Ри еле сдерживался. – Мы вообще до этого не слышали ни про какую Мадангу, или как ее там!

– Каким образом...

– Да что вы заладили – «каким образом»?! – не выдержав, снова заорал Ри. – Не знаю я, каким образом! Каким-то! Может быть, случайно!..

– Как вы попали на секторальную станцию?

... Через десять часов, когда их снова отвели в комнату, Ит почувствовал, что его словно вывернули наизнанку. В ушах шумело, в глазах двоилось. Ри было не лучше – лицо его осунулось, черты заострились, глаза лихорадочно блестели. Встревоженный Скрипач бросился было им навстречу, но Ит отодвинул его рукой и сел на пол – ноги не держали.

– Нам конец, – констатировал Ри, садясь рядом. – Зачем они это делают?

– Не знаю, – ответил Ит. – Прости, я всю жизнь занимался преимущественно сказками. Но в сказках, которые я изучал, такого не было.

Они замолчали. Скрипач подсел к Иту и с тревогой заглянул ему в лицо.

– Чего тебе? – устало спросил Ит. – Соскучился?.. Тебя кормили?

Скрипач засмеялся.

– Длинный-длинный, а там оранжевое, такое синее, – радостно сказал он. – Ждал, ждал. Половинки далеко, под три угла. Однообразненько.

Ит покивал. Ри вымучено улыбнулся.

– Поесть бы чего-нибудь, – вздохнул он. – И попить.

– Принесут, наверное, – пожал плечами Ит.

...А на следующий день их допрашивали уже не вместе, с самого утра развели по разным комнатам, и началось. Ит едва сдерживался, чувствуя, что его эмоции словно раскачивает огромный маятник – от истерики и отчаяния к тупому

равнодушию и полной апатии. Он все отвечал и отвечал на одни и те же вопросы, отвечал, уже не задумываясь, потому что задумываться не было никаких душевных сил. Да и физических тоже. От неподвижного сидения затекли ноги, плечи сводило судорогой, но прибегнуть к помощи детектора он не решился, и, как потом выяснилось, поступил правильно. Когда его вели обратно, он услышал где-то за спиной тихий голос, произнесший: «Похоже, действительно ничего не знают... этот вообще мальчишка, дурак». Слова обидели и обрадовали одновременно.

«Да, я мальчишка, я дурак, – твердил Ит про себя. – Я дурак, я ничего не знаю, я все сказал, что знал, только больше не надо меня вот так спрашивать, пожалуйста, не надо меня спрашивать, я ничего не знаю, я все сказал, что знал, только пожалуйста, не надо...»

От закольцованности мыслей, на которой он внезапно себя поймал, на него напал вдруг совершенно беспричинный смех, который удержать не было никакой возможности, и Ит начал смеяться, сначала тихо, но потом все громче и громче.

Так, смеясь, он и вошел в комнату, в которой Ри уже утешал печального Скрипача.

– Ты чего? – удивленно спросил Ри.

– Да так... – Ит продолжал смеяться. От смеха сводило мышцы живота и колело под ребрами. Он сел на пол и несколько раз глубоко вздохнул, пытаясь как-то остановить себя. – Я свихнусь, Ри. Я... я к такому не готов.

– А я чуть с кулаками не бросился на этого, – зло сказал инженер. – Убил бы! Но как-то сдержался, сам не знаю как.

Скрипач сидел между ними на корточках и участливо гладил по коленям то одного, то другого. Ит заметил, что Скрипач, похоже, в их отсутствие плакал, но сейчас он уже улыбался, а выяснить причину слез не представлялось возможным. Позже снова пришел безучастно-приветливый человек, принес еду. Разговор с ним дальше «спасибо» и «пожалуйста» не продвинулся, но ни Ри, ни Ит говорить не о чем не хотели и, наскоро поев, сразу легли спать. Уже засыпая, Ит вдруг подумал, что спать на полу совсем не так уж плохо. По крайней мере, гораздо лучше, чем сидеть на стуле десять часов кряду.

...А потом было еще несколько дней, заполненных все теми же вопросами. Ит думал, что это все, наверное, никогда не кончится. Они с Ри перестали разговаривать друг с другом, настолько сильной и изматывающей оказалась усталость. Нет, их не били, никто на них не кричал, но постоянное давление словно разъедало душу, как разъедает металл крепкая кислота.

Но, наконец, настал день, когда вместо очередной пытки вопросами их, всех троих, отвели в другое помещение, большего размера, заполненное людьми. Явно военными. И впервые за все время они увидели Таенна, Мориса и Леона.

– ...что от меня еще требуется. Отпустите людей. Они уже доказали, что они обычные люди, а не наши приспешники, не друзья и не рабы. Они нам никто. Мы просто решили оказать им услугу, доставив в мир с нормально действующей Транспортной Сетью и...

– Почему вы не передали их, в таком случае, Микаэлю Стоверу? Он запросто организовал бы им обратную дорогу, – перебивший Таенна человек, сидевший на высоком кресле, склонил к плечу голову и презрительно посмотрел на Барда. Тот спокойно выдержал взгляд.

«Ничего себе! – думал Ри. – Значит, все правда... вообще все правда. А я-то думал, что они привирают, что Ит, что Таенн. Уже больно напоказ это все было».

– Микаэль Стовер, – Таенн словно выплюнул имя, и презрения в его голосе зазвучало едва ли больше, чем у оппонента, – маньяк, психически больной человек, одержимый навязчивой идеей. И мне очень жаль, что в вашем мире его идеи нашли столько сторонников.

– Да нет, дорогой Бард. Микаэль Стовер – фигура, бесспорно, эксцентричная, но при этом он – честнейший человек, и, мало того, пророк! – в голосе говорившего прорезались какие-то новые нотки, и Ри вдруг с удивлением понял, что это, ни много, ни мало, а благоговение. – Не смейте

говорить про него подобные вещи, а не то...

– А не то – что? Опять будете угрожать убийством детей? – усмехнулся Таенн. – Да, знай триста лет назад про такие фокусы Барды, они бы голосовали за капсуляцию.

Ри тихонько оглядывал присутствующих и, несмотря на то, что говорил Таенн, никак не мог понять, чем же они принципиально отличаются от людей, допустим, его родного мира. Люди как люди, только, пожалуй, излишне хмурые. Вокруг Таенна, Мориса и Леона – с десятков охранников, но ни у Барда, ни у Сэфес даже руки не скованы. Человек, с которым шел основной разговор, был немного похож на Стовера, не внешне, а какими-то мелкими едва заметными деталями. Грузный, насупленный, с упрямым и тяжелым взглядом, одет в форму – военный? Да, по всей вероятности военный, в каком-то высоком чине. Седые, коротко стриженные волосы, темная от загара кожа. Разговор ведет на всеобщем языке, которым владеет если не в совершенстве, то близко к тому – к автопереводчикам не прибегает, техникой не пользуется. Всеобщий сложный (Ри потратил пять лет на то, чтобы сносно овладеть им), но если знаешь его – честь тебе и хвала. Пожалуй, в других обстоятельствах Ри этого человека зауважал бы. В других. Но не в этих.

– Контроль, насколько я знаю, голосовал за капсуляцию с обеих сторон, и Барды, и Сэфес, – возразил Таенну человек. – Нам это решение было представлено, как общее.

– Правильно, – подтвердил Морис. – Вам – как общее.

Но было закрытое разбирательство, в котором Барды хотели дать вам еще один шанс, а мы сочли это нецелесообразным.

– И почему же вы так сочли? – прищурился человек.

– А вы посмотрите в зеркало, – посоветовал Леон. – Ответ находится именно там. Посмотрите себе в глаза и скажите, имеет ли право такое существо, с такими мыслями и таким представлением о справедливости жить на свободе. Официальная служба, которая принимала решение, сочла тогда аргументы Сэфес правомерными.

– Что ты можешь знать, мразь, тебя тогда и на свете не было! – гаркнул, распаляясь, седой военный.

– Информация о Маданге есть везде, и о прецеденте известно все, что положено. Разве что уважаемый вами Стовер сумел что-то скрыть, но я лично в этом сомневаюсь, – дернул плечом Леон.

– Не вам нас судить! Не к вам приперлись эти вшивые кошки, чтобы устанавливать свои порядки! Не мы лезли, не спрашиваясь, на чужую территорию! Посмотрел бы я на тебя, если бы в твой родной мир пришел кто-то чужой и начал диктовать свои условия!!!

– Это беспредметный разговор, – спокойно сказал Таенн. – Его результатом может быть только новый виток свары и ничего больше. Давайте лучше поговорим по существу. Повторю еще раз: отпустите людей. Мы не будем сотрудничать и не будем даже разговаривать с вами о предмете этого сотрудничества, пока вы держите их взаперти и измываетесь

над ними. Эти люди не имеют отношения ни к Маданге, ни к конфликту, ни к нам. Ни по каким законам вы не имеете права насильно их удерживать. Ни по вашим, ни по нашим.

– Хорошо, – вдруг покладисто ответил седой военный. – Раз вы настаиваете на этом, как на обязательном условии, мы их отпустим. Только учтите, что ни на территории Ганы, ни на территории Соединенных Республик они, согласно нашим законам, не имеют права находиться.

– Позвольте им вернуться на станцию.

– Станция находится на территории Ганы, – отрезал военный. – Кроме того, мне совершенно не хочется, чтобы они там на что-нибудь нажали и устроили нам лишние проблемы.

– Они не сумеют этого сделать, станция человеку не подчиняется, – Ри опешил – он и не думал, что Бард умеет так складно и непринужденно врать. – Они бы просто спокойно дождались нашего возвращения и...

– Вы всерьез рассчитываете вернуться?!

– Если вы тот, кем стараетесь казаться – да, – поддел военного Морис. – У вас на знаке отличия написан девиз «верность и честь». И если для вас он что-то да значит, то мы, выполнив условия, поставленные вами, вполне можем на это рассчитывать. Почему нет?

Военный от такой наглости даже задохнулся. Ри с интересом смотрел, как наливается малиновым его шея, и гадал – неужели местные настолько опустили, что не лечат элементарные болезни сосудов? Ишь, как покраснел. И вспотел,

небось. От злости.

– Речь пока не об этом. Мы говорили о том, что людей вы не имеете права удерживать. Не думаю, что если будет пересмотр решения, и об этом станет известно, такая информация пойдет вам на пользу, – сказал Таенн.

– Их никто и пальцем не трогал!

– Ну да, только восемь дней мучили кольцевыми допросами, – усмехнулся Леон. – Право слово, ерунда какая!..

– У нас война, и по законам мы имеем право...

– Да что вы все о правах, да о правах! Если вы за триста лет не сумели договориться даже друг с другом, чтобы как-то повлиять на решение, если вы до сих пор продолжаете грызнуть, то о каких правах может идти речь! – Таенн, наконец, дал волю гневу, который до того всеми силами сдерживал.

– Хорошо, – голос военного стал ледяным. – Поступим следующим образом. Мы выпустим этих ваших людей, тем более, что для нас они совершенно бесполезны. Но выпустим мы их на территорию, которая не принадлежит ни Гане, ни Союзу Республик. Учтите, ваше основное требование – чтобы мы отпустили их и не имели к ним никакого касательства – будет исполнено. Они подождут вас, – он недобро усмехнулся, – на этой территории. Дальнейшая их судьба будет напрямую зависеть от вашего желания сотрудничать с нами.

– Снова шантаж, – констатировал Морис. – Интересно, вы как-то иначе действовать вообще умеете?

– Умеем, – заверил его седой военный. – Очень скоро вы

будете иметь возможность в этом убедиться.

* * *

Только оказавшись на месте, Ит и Ри поняли, что такое «соблюдение условий» в представлении военных властей Ганы. Их троих, не особо церемонясь, посадили в машину и через полчаса вытолкнули прочь, под ледяной дождь, в осеннюю слякоть.

– Так, значит, – доселе молчавший конвоир снизошел, наконец, до объяснений. – Тут ничейная земля. Три километра шириной. Идет от моря и до вон тех гор, – он махнул рукой куда-то в сторону, но из-за дождя ничего не было видно. – Можете по ней ходить, сколько заблагорассудится. Если сунетесь в Республику, шлепнут. Они с перебежчиками не разговаривают. Если сунетесь к нам, тоже шлепнут – вас на территорию пускать не велено. Счастливо оставаться.

– Погодите, но... – Ит растеряно смотрел на конвоира. – Как же тут жить?

– А вот это меня не касается, – конвоир сплюнул. – Мое дело маленькое, я приказы не отдаю, я их выполняю.

Двигатель взревел, и машина, развернувшись и обдав Ита с Ри потоком горячего воздуха, набирая скорость, канула в дождевую муть. Через несколько минут ее уже не было видно, лишь доносился издали ослабевающий шум двигателя.

Первым опомнился Ри.

– Идемте, – позвал он. – Мы слишком близко от границы, тут может быть опасно. Надо уйти вглубь. Там и поговорим.

Ит кивнул, и они осторожно, выбирая дорогу и обходя бездонные лужи, двинулись в сторону, противоположную той, в которую уехала машина. Скрипач, уже дрожащий от холода в своем нелепом платье, понуро побрел следом за ними, как побитая собака. Шли молча, долго, пока, наконец, не наткнулись на полуразрушенное строение, в углу которого сохранилась часть крыши. Они забрались в этот угол, кое-как расчистили его от каменных обломков и расселись, кто куда.

– Долго мы тут не протянем, – мрачно констатировал Ри. – Какие твари, а! Чтоб их самих так же кто-нибудь...

– Формально они все сделали правильно, – вздохнул Ит. – Им были поставлены условия, они их выполнили. Мы живы, целы, находимся на нейтральной территории. Таенн же не уточнил, что нас должны кормить, поить и держать в нормальных условиях.

– Таенну такое в голову не пришло и не могло прийти. И нам тоже не могло. Ит, прости, я тебе не верил, когда ты про этот мир рассказывал. И Таенну не верил. И Сэфес. Мне казалось, что вы нарочно врете, чтобы...

– Чтобы доказать, что все миры Индиго плохие? – закончил Ит. Он вдруг почувствовал, что внутри снова оживает тот второй, старый и циничный. – Да нет, Ри. Я рассказывал то, что помню по чьим-то счеткам. Не знаю, по чьим.

Таенн... сложно сказать, откуда у него эта информация. Но, поверь, то, что было сказано о Маданге – это правда.

– Да верю, верю я, – отмахнулся инженер. – Ит, а тебе не кажется, что ты ведешь себя очень странно?

– Да? – созидающий нахмурился.

– Да. В тебе словно два человека. Тот, которого я знаю, первый, опешил, поняв, что эти мрази могут действительно начать убивать детей. А второй, с которым я говорю сейчас, совершенно спокойно рассуждает о Маданге и об информации. Что-то не вяжется.

– Вообще ничего не вяжется, – согласился Ит. – Давай вспомним, как ты управлял секторальной станцией и выходил в Сеть. И еще Скрипача давай вспомним. Вот уж кто действительно...

– А где Скрипач? – удивленно спросил Ри. – Еще не хватало!

Скрипача нигде не было. Они обошли строение вокруг, тихонько окликавая его, но он так и не появился. Раздосадованные, они вернулись обратно.

– Набегается и придет, – убежденно сказал Ри. – Мало ли, куда ему понадобилось.

– Придет, если его не убьют, – мрачно заметил Ит. Он испытывал все большее беспокойство за этого странного человека. Беспокойство и страх. – Лучше оставаться на месте и ждать его тут. Надеюсь, он сумеет вернуться.

Скрипач действительно вернулся, уже под вечер. Дождь

прекратился, лишь тянулись по небу тяжелые свинцовые тучи. Ит хотел было отругать его, но, заметив, что лицо у Скрипача буквально сияет от радости, а в руках он сжимает какой-то неопрятный кулек, передумал, и, как выяснилось, правильно сделал.

В кульке оказалась еда. В других обстоятельствах Ит и Ри, вероятно, брезгливо бы сморщились, предложи им кто-нибудь отведать ужин, явно подобранный Скрипачом на свалке, но сейчас они обрадовались всему – и сухим сырным коркам, и подгнившим фруктам, похожим на яблоки, и обрезкам подгоревшего теста.

– Живем, ребята, – повеселевшим голосом сказал Ри, раскладывая еду на три равные кучки. – Молодец, Скрипач! Мы бы без тебя пропали.

– Прозрачное с вырезом, – с превосходством ответил тот и взял из своей кучки яблоко. – Зелеными буквами, на полоске. Только тихо, тихо! Алюминий!

– Если алюминий, то молчим, – согласился Ри.

– Особенно когда зелеными буквами, – поддакнул Ит. Похлопал Скрипача по плечу, улыбнулся. – Ты умница. Покажешь потом, где нашел это все?

Тот нахмурился.

– Прозрачное же, – с сомнением пробормотал он. – Если черное в скобках...

– Ладно, завтра решим это все, – подытожил Ри. – И про алюминий, и про прозрачное, и про зеленые буквы...

Руины

За едой Скрипач успешно ходил еще два дня. За это время Ит и Ри немного пришли в себя и с грехом пополам выпались. Первые сутки они толком ничего не соображали – сказывалась чудовищная усталость и отупение после допросов. Они спали, не обращая внимания ни на что. Спать не мешал даже пронизывающий осенний холод. Проще всех, как выяснилось, пришлось Скрипачу. На своей свалке он привык и не к такому, и особенно не реагировал ни на холод, ни на дождь, ни на отсутствие хотя бы подобия какого-либо комфорта. Он бродил по округе, аплодировал взлетающим в серое небо черным птицам, собирал и притаскивал Ри с Итом какие-то камни и ржавые железки, и вынужденным положением совершенно не тяготился.

Однако эта идиллия продлилась недолго. На третий день Скрипач снова ушел за едой на свалку, но вернулся только затемно, да еще и сильно избитым. Ит и Ри, увидев его, пришли в ужас – Скрипача словно цепями измолотили, на нем живого места не было. Кроме того, он, видимо убегая, подвернул ногу. Скрипач не стонал и не плакал, только болезненно кривился и морщился, пока Ри пытался хоть как-то обработать ему ушибы. Поскольку у них ничего не было, обработка свелась к тому, что Ри просто промывал ссадины водой, которую они набрали в ближайшем мелком ручейке.

Все это время Ит сидел рядом со Скрипачом на обломке каменной стены и гладил его по голове, утешая и ободряя.

– Что же это за садисты такие, а? – в пространство вопрошал Ри. – Неужели по нему не видно, что он с головой не в ладах? Как такого вообще трогать можно?

– Так же, как можно убивать детей с целью добыть пару-тройку Контролирующих, – уныло буркнул Ит. – Так же, как бросить нас здесь. Видимо, можно. Тут все можно.

– Знаешь, надо отсюда выбираться – твердо сказал Ри. – Хватит рефлексии. Так не годится.

– Куда ты собираешься выбираться? – недоуменно спросил Ит.

– Нам нужно попасть обратно на секторальную станцию, забрать наших и рвать отсюда когти.

– Каким образом? – удивился созидающий.

– Как это – каким? Ит, очнись, а? – попросил Ри. – У тебя есть детектор. У меня биокомп. Мы можем связаться с искином, мы можем подвести станцию туда, куда нам будет нужно. Мы можем...

– Ничего этого мы не можем. Потому что как только мы начнем что-то делать, они тут же оторвут головы и им, и нам, – резонно заметил Ит. – Ты думаешь, за нами не следят? Я больше чем уверен, что нас и сейчас отслеживают, и стоит нам только что-то сделать, как нас тут же...

– Ну и что? Что ты предлагаешь? Сидеть тут и ждать – чего? Голодной смерти, или что нас застрелят, или что вдруг

произойдет чудо, и эти, – инженер махнул рукой куда-то в неизвестность, – вдруг поймут, что делают, и выпустят Таенна, Леона и Мориса? Ит, это даже не смешно. Ты сам прекрасно понимаешь, что чудес не бывает, особенно в подобных ситуациях. И что мы можем либо что-то делать сами, либо сесть, поднять лапки и сдохнуть. Отличный выход, правда?

– Ну, не знаю, – растеряно протянул созидающий. – Что-то делать надо, но я совсем не уверен, что ты предлагаешь правильное решение.

– А какое еще решение ты видишь? Что сказал искин? Капсуляция нарушена, в следующий раз система выйдет из нее немногим меньше, чем через месяц, так?

– Ну, так, – согласился Ит. – Подожди, сейчас скажу точнее. Через девятнадцать дней она выйдет, на сутки. Нас продержали на той базе восемь суток, потом... ну да, тут мы почти трое суток. Правильно, девятнадцать дней. Знать бы еще, где мы находимся.

– Ну так возьми и посмотри. У тебя детектор, который, если я правильно понял Леона, сделан специально для боевых действий на этой планете. У тебя просто должно быть все – и карты, и выходы в местные инфосети, и...

– Подожди, – осадил его Ит. – Тебе не приходило в голову, что если я начну работать с детектором, это тут же засекут? И я больше чем уверен, что нас за это по голове не поглядят, а совсем наоборот.

– Хватит быть таким трусом, – отрезал Ри. – Поглядят, не поглядят... Все равно, хуже, чем есть, уже не будет. Давай все же попробуем узнать, где мы хотя бы находимся.

Следующий час они провели, выясняя с помощью детектора интересовавшие их вещи. Для начала и Ри, и Ита очень порадовало то, что у детектора нашелся режим, в котором он был полностью незаметен. Конечно, переведи Ит устройство в боевое состояние, к ним тут же со всех сторон ринулись бы вояки – и со стороны Ганы, и со стороны Республик. Но, поскольку воевать они не собирались, все прошло гладко. Однако результат их расстроил. Они находились пусть и не в самой глубине материка, но от моря их отделяло больше двухсот километров. А до станции так и вообще было почти полтысячи. Как туда попасть? На чем?

– Допустим, мы дойдем до моря. Ит, подожди, я пока чисто гипотетически, – рассуждал вслух Ри. – А дальше?

– А дальше триста километров вплавь, – усмехнулся Ит. – Неужели не ясно?

– Как я сам не догадался. Можно попробовать украсть какую-нибудь машину, и на ней...

– Какую машину ты украдешь, когда Скрипач всего-то объедки со свалки крал, а его вон как измочалили, – разозлился создающий. – И потом, нас тут же размажут вместе с этой машиной хотя бы потому, что они свою технику знают, в отличие от нас.

– Ну, хорошо, – подумав, ответил Ри. – И что ты предла-

гаешь?

– Погоди, я думаю. В любом случае, нам надо к морю. И еще нам необходимо как-то связаться с искином. Можешь попробовать это сделать?

– Попробовать могу. Но за последствия не ручаюсь, – проворчал инженер.

– Кто-то только что назвал меня трусом, – напомнил Ит. – А сам оказался не лучше.

– Кончай свои придирки, – отмахнулся Ри. – Я хочу разобраться, как это сделать, чтобы нас не поймали.

– Мне ты этого сделать не дал, – зло сказал созидающий.

– Заткнись, а, – мягко попросил инженер. Даже излишне мягко. Ит напрягся.

– Я тебе еще не сказал «спасибо» за то, что ты нас сюда затащил, – сквозь зубы сказал он. – Как-то, знаешь, из головы вылетело.

– А не с твоей ли помощью я это сделал? – ехидно поинтересовался Ри. – Я уже почти закончил расчет, когда ты приперся и вмешался!

– Ну да, конечно! Закончил, как же, – Ит встал. Ри тоже. Скрипач, до того сидевший на полу, и удрученно разглядывавший искаленную ногу, с тревогой поднял голову и уставился на них.

– Век бы твоей рожи не видеть! – зло рявкнул инженер. – Да, почти закончил! А то ты этого не понял! Не корчи из себя дурака!..

– И не думал даже. Ни черта ты не закончил! Не вмешайся я, мы там подошли все, вместе со станцией!

– Ой, ну конечно! Как какая заслуга – так это сразу святой Ит, – презрительно выплюнул Ри. – Разумеется!..

– Нет, у нас все заслуги исключительно твои. Я с вами мотался, как груз, если ты не забыл! Особенно на Терране!.. Шли, как на прогулке, за моей спиной прятались – забыл, да?! Это был не я, кто бы сомневался!

– Не поставь тебе Леон детектор...

– А многого бы ты стоил без биокомпа!

– Да уж побольше тебя, косорукая тварь!

– Хочешь проверить, кто тут на самом деле косорукая тварь?!

– Запросто! Только без детектора! А то с чужой техникой каждый горазд!..

Возможно, дело и дошло бы до драки, не вмешайся Скрипач. Он кое-как встал и, чуть не плача, стал втискиваться между стоящими вплотную друг к другу Итом и Ри. Безумец, что было сил, расталкивал их в разные стороны, молча, целеустремленно, отчаянно; он пихал в грудь то одного, то другого, и в какой-то момент Ри вдруг понял всю абсурдность ситуации и сдался. Сдался первым. Ит все еще смотрел на него ненавидящим, злым взглядом, а для Ри вдруг все разом встало на свои места.

– Стоп, стоп, стоп, – он перехватил Скрипача за руку, – я все понял, парень, не надо! Да не пихай ты меня, кому го-

ворю! Ит, скажи ему...

У Ита словно пелена спала с глаз. Что они только что делали?! Как это вообще получилось? Он что, чуть не набросился с кулаками на Ри?! А Ри... Ри собирался избить его, и за что?

– Спасибо, Скрипач, – серьезно сказал он, чувствуя, как краска стыда заливает лицо. – Как ты вовремя.

Безумец ничего не ответил. Припадая на больную ногу, он поковылял обратно в угол, где до того сидел. Иту почудилось, что Скрипач плачет, но когда тот поднял глаза и встретился взглядом с Итом, глаза у него были абсолютно сухими, а вот во взгляде читалось столь явственное осуждение, что созидающему захотелось провалиться сквозь землю.

– Наверное, это местный эгрегор, – сказал чуть позже Ри. – Это он так на нас действует.

– Наверно, – согласился Ит. – А может, и мы сами. Я, например, никогда в жизни не был голоден и только сейчас это понял. Может быть, поэтому.

– И поэтому тоже, – удрученно покачал головой инженер. – Ладно. Попробуем все же собраться с мыслями. Все равно, так или иначе, но надо решать, что делать дальше.

* * *

– ...Двести километров. Фактически в зоне военных действий. Без еды и без воды. С хромым Скрипачом. Это ж

сколько мы идти будем? – с отчаянием спросил Ит.

– Долго, – хмуро констатировал Ри. – А надо быстро. В день проходить километров по пятнадцать, не меньше.

– Он столько не сумеет, – уверенно сказал созидающий. – Ты же видишь.

– Задержимся тут на несколько дней, пусть нога подживет, – предложил инженер. – Вопрос только, где достать еды хотя бы на первое время.

– Попробую сходить поискать свалку, на которой он был, – предложил Ит. – Есть у меня одна мысль...

– Какая?

– Попробую обмануть местных с помощью детектора, – усмехнулся созидающий. – В конце концов, терять нам и вправду нечего.

На свалку Ит ходил три дня, пока у Скрипача заживала нога. На вторые сутки, лежа в грязи и ожидая, когда мимо пройдет колонна военной техники, он неожиданно поймал себя на мысли, насколько легко и спокойно он принял нынешние обстоятельства, и поразился этому. Минутная вспышка, во время которой они с Ри едва не надавали друг другу тумаков, оказалась, пожалуй, единственным эпизодом, во всем остальном и Ри, и он, Ит, и Скрипач, вели себя так, словно подобные ситуации были им всем не в новинку. Словно когда-то, давным-давно, все они, а не только Скрипач, жили, и успешно выживали в похожих условиях. Словно нынешние обстоятельства сломали какой-то внут-

ренный блок, и подсознательные воспоминания, непонятно откуда взявшиеся, потоком хлынули наружу.

Неважно, где ты.

Неважно, какая погода.

Неважно, во что ты одет.

Чтобы выжить, надо делать то-то и то-то.

И вообще, важно не то, как ты совершаешь какое-то действие, важен лишь результат. Простой результат, незамысловатый.

Лежа в жидкой грязи, Ит с каким-то детским удивлением вспоминал вещи, казавшиеся раньше архиважными, а теперь ставшие напыщенными, жеманными и неестественными. Тяжкое оскорбление – собеседник что-то рассказывает тебе, ты смотришь сквозь него рассеянным взглядом, а потом переспрашиваешь – вы что-то сейчас сказали?.. Обида на всю жизнь. Фу, глупость какая. На «стене гнева» в университете кто-то анонимно пишет, что преподаватель такой-то – несправедливо судит и держит в фаворе любимчиков. Краска стыда заливает лицо, ведь этот преподаватель – ты. Как же такое вышло? И, главное, кто посмел? Во время обсуждения твоей работы приходит комментарий о том, что работа слаба, никчемна и не заслуживает внимания. Кто это написал, за что? Господи, да какая разница?! Какой вообще в этом всем смысл? Это слова, пустые слова, и ничего больше! Разве может сравниться с болью от слова боль настоящая – от удара, от впившегося в бок острого камня, от страха за

собственную жизнь и жизнь других людей?! Как это мелко, стыдно и глупо! Человек, всерьез ставящий себя в зависимость от чужих слов, жалок прежде всего тем, что вся жизнь его – бесконечная череда попыток доказать свою якобы значимость, когда на самом деле он нуль, пустое место. Тем более, что такие слова и такое их восприятие – вовсе не признак цивилизованности или ума, они – признак мелочности и ханжества, но никак не настоящей душевной силы.

«Никогда больше, – думал Ит, лежа в грязи и ощущая, как дрожит земля. – Никогда больше я не буду таким жалким дураком. Почему никто не объяснил мне этого раньше? Почему я оказался рабом в системе приоритетов, которой, если вдуматься, невелика цена? И почему я не умел раньше осмыслить то, что воспринимал, как данность, как естественное явление? Мне не с чем было сравнить? Или я просто не допускал возможности, что бывает иначе?»

Как все, оказывается, просто! Страшно просто. А вот интересно, то, что мужчины из семьи уезжали жить и работать в Индиго... не для этого ли понимания, кстати? Ит подумал о братьях, но ничего похожего на то, что сейчас испытывал он сам, не вспомнил. Братья, вернувшись, остались такими же, как и до отъезда. Разве что солидности прибавилось.

С братьями особой дружбы у него никогда не существовало. Они были старше, вечно заняты, холодно-приветливы и не более того. Ит чувствовал в них какое-то легкое, как паутина, отчуждение, и не стремился ни к дружбе, ни к привя-

занности. Собственно, из всей семьи он больше всех любил маму, но только сейчас понял, что, в общем-то, лишь ее одну и любил. Отца, с его вечно виноватым почему-то лицом, Ит, как ни старался, так до конца и не понял. Братья изначально были словно чужими. Только мама была родной, и только к ней Ит испытывал нежность и привязанность.

«Да что со мной такое? – колонна все шла и шла, а мысли все текли и текли. – Во мне словно что-то ломается, да так, что обратно не соберешь. О чем я думаю? Почему? И во что это все в результате для меня выльется?»

Грохот стих, колонна, наконец, прошла.

Ит встал, кое-как отряхнул грязь, вытащил из-за камня сверток с добычей и заторопился к перелеску – мысли мыслями, а реальные дела – реальными делами. Реальные важнее. Куда как важнее.

* * *

Больше всего их, конечно же, волновало, сможет Скрипач идти или нет. Иту удалось раздобыть на свалке кусок то ли ткани, то ли полотна, похожего на ткань, которым они с Ри с грехом пополам все-таки перетянули Скрипачу ногу, пользуясь подсказками детектора. Тому процедура не понравилась, но он, по счастью не сопротивлялся, только выдавал в пространство какие-то короткие сердитые фразы. Ит про себя отметил, что Скрипач в сложных ситуациях начинает везти

себя если не образцово, то близко к тому. Не ерепенится, не дурит, даже слушается. Это радовало – значит, парень все-таки что-то, да понимает, а значит, есть надежда в будущем ему помочь, значит, он не безнадежен.

Впрочем, о будущем они в те моменты не думали. Их гораздо больше занимало настоящее.

Принесенную Итом еду (все те же подгнившие фрукты и высохшие до каменного состояния сырные корки) они кое-как рассовали по карманам. Из обломка дерева соорудили палку для Скрипача. И, не особо таясь, отправились в путь по «свободной территории», придерживаясь карты, снятой с детектора. Единственное, за чем приходилось следить – так это за тем, чтобы случайно не перейти на территорию Ганы. Граница ничем не была обозначена, но уже через несколько часов ходьбы они сообразили – некое подобие дорог всегда подходит к границе вплотную, но никогда не пересекает ее. Свободная территория, таким образом, оказывалась действительно свободной – от всего. Ни с одной стороны, ни с другой никакого движения не наблюдалось.

Дорогой они говорили мало, лишь под вечер, устав и присев отдохнуть, разговорились.

– Знаешь, они, по-моему, задались целью нас унизить, – заметил Ри. – Эта свалка... ты говоришь, она была вплотную к границе?

– Ну да. Даже залезала за нее какой-то частью, – Ит вытащил из кармана горсть сырных корок и отдал Скрипачу. –

Я границу не пересекал, и меня не тронули. А он, видимо, перешел, вот его и побили.

– Они нас специально там выбросили, – уверенно сказал инженер. – Точно говорю. Небось, наслаждались зрелищем, разглядывая, как ты там бродил.

– Не сомневаюсь, – созидающий недобро усмехнулся. – Ну, ничего. Придет и наше время посмеяться. Ри, сколько мы прошли за день?

– Двенадцать километров, – ответил Ри. – Неплохо для начала...

– И для человека с больной ногой. Скрипач, иди сюда! Иди, говорю, ногу надо посмотреть.

* * *

То, что за ними следят, они поняли почти сразу, но первые двое суток слежка ничем себя не проявляла. Однако на третий день, когда они отмахали уже под пятьдесят километров, их нагнала машина. День в этот раз выдался солнечный, хотя и холодный, дождь прекратился, и видимость стала просто прекрасная. Машину они заметили издали, Ит хотел было остановиться, но Ри сказал, что надо идти вперед, как ни в чем не бывало. И они пошли.

Машина остановилась поодаль, не пересекая, однако, условной границы. Из нее вылез человек, тот самый седой военный, с которым несколько дней назад спорил Таенн. Вы-

лез и поманил их рукой. Они подошли чуть ближе, Ит на всякий случай взял Скрипача за локоть.

– Далеко собрались? – без предисловий спросил военный.

– Гуляем, – безмятежно отозвался Ри. – А что, нельзя?

– Вернитесь обратно, по хорошему предлагаю.

– С какой радости? Мы ничего не нарушаем, – отозвался инженер. – Границу не пересекали, на территорию Республик не заходили.

– Я вам приказываю вернуться, – раздраженно заявил военный. – А не то...

– А не то – что? – ехидно спросил Ри. – Стрелять в нас будете? Или изобьете, как нашего психа? Вы ведь это хотели сказать?

– Последний раз предупреждаю, вернитесь, – в голосе военного зазвучала угроза, от которой у Ита мурашки пробежали по коже. – Вы не знаете наших возможностей.

– Правильно, не знаем, откуда бы, – справедливо заметил инженер. – Вот только ничего вы нам не сделаете. Потому что если про то, что вы нам сделаете, узнают Сэфес и Бард, вы...

– Ну все, сволочь! – гаркнул военный. – Я предупредил. И не особо рассчитывай, что эти трое что-то про вас узнают. Сгинете, и поминай, как звали.

– В любом случае, вам придется им ответить, где мы.

– Не волнуйся, щенок, ответ будет, – многообещающе заверил военный. – И я уж позабочусь как-нибудь о том, чтобы

этот ответ всех устроил. Не только этих троих, а всех.

Он влез машину, и она, развернувшись, помчалась обратно.

Ит, Ри и Скрипач проводили ее задумчивыми взглядами. Скрипач скривился и плюнул вслед.

– Тебе он тоже не понравился, да? – спросил созидающий. Безумец сделал нарочито сердитое лицо и сказал:

– Spина на девяносто восемь, фальшивое трепло. А еще вертикальный, подумаешь...

– Кто вертикальный? – озадаченно спросил Ри.

– По шесть пальцев, и синим, красным, желтым! Больно, алюминий. И в коробочку. В красном круге, – Скрипач аккуратно снял руку Ита со своего локтя и присел, растирая ногу. – Вот если бы серое...

– Полностью разделяю твое возмущение, – серьезно кивнул Ит, присаживаясь рядом. – Ри, а что он имел в виду, собственно?

– Я понял следующее. Маданга, а особенно почему-то государство Гана, хочет добиться снятия капсуляции. Поскольку тут оказались Контролирующие, самым простым вариантом стало каким-то образом повлиять на них и заставить или снять капсулу, или помочь выйти на связь с официальными, все с той же целью. Подозреваю, что государство, сумевшее это сделать, получит на очень долгое время карт-бланш на любые действия, а тот, кто сумеет найти выход, так и вообще будет пожизненно героем. Понимаешь, почему он

так старается?

– Понимаю, продолжай.

– Ну так вот. Наши явно тянут время и начали игру, в которой мы с тобой выступили пешками. Вернее, заложниками самой игры.

– О, господи... но эта игра продлится ровно до того момента, как эти придурки поймут, что с нашими Контролирующими что-то не так. Какая блокировка, они даже станцией управлять не могут!

– Вот именно, – заключил Ри. – Верно мыслишь. Мне кажется, что эту игру затеял Таенн и с единственной целью – чтобы мы добрались до станции и сумели как-то забрать их троих, когда будет очередной пульс капсулы. Это единственный выход и для Маданги, и для нас, и для них.

– Вот только Маданга этого никогда в жизни не поймет, – констатировал Ит. – Ри, если не получится, это же будет катастрофа.

– Мы с тобой можем только догадываться, какого масштаба она будет, эта катастрофа, – добавил инженер. – Если вспомнить, что за информацию они на себе тащат...

– Так что же мы стоим-то? Идти надо! Скрипач, давай, милый, поднимайся. Понимаю, что болит, но ты потерпи, хорошо? – попросил созидающий.

Тот тут же поднялся на ноги, словно и впрямь понял, что сказал ему Ит, и поковылял следом за ними.

– Слушай, а почему ты сказал, что это единственный вы-

ход и для Маданги тоже? По-моему, для нее вообще выхода нет, – Ит коротко глянул на Ри.

– А по-моему, есть, – ответил тот. – По крайней мере, должен быть. Просто его никто не искал. Или искал, но не там.

– Почему ты так решил?

– Тут есть дети, – усмехнулся Ри. – Нельзя окончательно губить мир, который все еще жив, каким бы плохим он ни был. Но для того, чтобы снова поднять этот вопрос, нам, опять же, нужно отсюда выбраться.

– Согласен, – вздохнул Ит. – Ты совершенно прав.

Человек из Индиго и человек из Мадженты посмотрели друг на друга и улыбнулись – схожести мыслей, желаний, целей.

– Выберемся, – уверенно сказал инженер. – Вот оно, оказывается, как на самом деле бывает.

– Что именно? – не понял созидающий.

– Да мир спасти, – засмеялся Ри. – Не знаю, как у вас, а у нас полно игр, в которых цель – спасти мир. Только там все совсем по-другому. Там обязательно есть герои в броне, армии, война... конечно, они немножко наивные, эти игры, но все равно здорово.

– У нас таких нет. У нас по большей части приключения и путешествия, – улыбнулся Ит. – Я, правда, в двенадцать лет играть бросил, некогда стало. Но тоже было здорово.

– Но мир спасти не надо?

– Не надо. Чего его спасать, если в нем и так все хорошо?

Что такое война в представлении государства Гана и Союза Республик они увидели на пятый день своего путешествия. Пройдено к тому моменту было почти семьдесят километров, и нога у Скрипача разболелась страшным образом. После трех часов ходьбы он сел на землю и категорически отказался двигаться дальше, несмотря на все уговоры. Ри с Итом, посоветовавшись, решили передохнуть денек. Время в запасе еще было, пусть и немного, и проще потерять этот день, чем потом тащить Скрипача на руках больше ста километров, если он обезножит полностью.

Именно это их в результате и спасло.

Пока Ит, как получалось, растирал едва не плачущему от боли Скрипачу покрасневшую и распухшую лодыжку, Ри сбегал за ближайший холм, разведать дорогу. Вернулся он с вытянутым лицом и сообщил, что впереди явно что-то затевается. К пограничной территории со стороны Ганы подошло несколько машин, из которых высыпало с полсотни людей, люди эти зашли на территорию «свободной зоны» и двинулись в сторону Республик.

– И что делать будем? – насторожился Ит.

– Лучше бы нам куда-нибудь спрятаться, – с тревогой ответил Ри. – Не нравится мне это все.

– Куда тут спрячешься? – спросил созидающий, обводя

взглядом ровный склон холма. – Обратно вернуться? Там, кажется, лесок был какой-то...

– Не кажется, а был, но как мы со Скрипачом возвращаться будем, он же идти не может, – возразил инженер. – Посиди с ним, я сейчас сбегаяю, посмотрю, может, чего-то и придумаю.

Вернулся он минут через десять и сообщил, что неподалеку есть местечко, которое можно использовать в качестве укрытия – несколько крупных гладких камней. Подхватив Скрипача на руки, они чуть не бегом бросились туда, куда направлял Ри, в сторону от границы, вглубь территории, наискось через склон. Действительно, за холмом обнаружались вросшие в землю гладкие валуны, которые в незапамятные времена принес сюда ледник. Одна щель между ними оказалась достаточно широкой, чтобы протиснуться внутрь, и они по очереди заползли в этот естественный каменный дольмен.

– Ит, ты можешь поставить защиту? – Ри вопросительно уставился на него, когда все трое кое-как расселись в крохотном пространстве, под сырыми холодными камнями. – У тебя же детектор есть. Может быть, сделаешь такой же щит, как тогда, на Терране?

– Понадобится – сделаю, – немного подумав, ответил Ит. – Но ты учти, мы же почти три дня ничего не ели. Меня надолго не хватит.

– А на сколько хватит? – деловито поинтересовался инженер.

– Час, полтора, – неуверенно пожал плечами созидающий.

– Мало, – огорченно пробормотал Ри. – Чертовски мало.

Это плохо.

– А биокомп как-то можно использовать?

– Он, прости, для подобных вещей не предназначен, – вздохнул Ри. – Эта штука исключительно мирная.

– А жаль, – ответил Ит.

Скрипач повздыхал, пробормотал что-то маловразумительное, пролез в узкую щель между Итом и Ри, лег между ними, свернувшись клубочком, и подтянув ноги чуть не к подбородку. Он явно собирался вздремнуть. Ри и Ит переглянулись.

– Неплохая мысль, – одобрил инженер. – Все равно делать нечего, только ждать.

– Лучше все-таки спать по очереди, – предложил созидающий, которому спать совершенно не хотелось. – Давай я пока что покараулю.

– Ну, карауль, – Ри осторожно улегся рядом со Скрипачом. – Разбуди потом, я тебя сменю.

«Все-таки мы очень устали, – подумал Ит. – Сказал бы мне кто, что я буду всерьез думать о том, чтобы осенью спать на земле, в холоде и сырости, да еще с удовольствием, я бы, наверное, рассмеялся и не поверил».

Он сел, привалившись спиной к гладкому боку валуна, и стал прислушиваться к отзвукам недалекого боя. Впрочем, слышно почти ничего не было, лишь земля иногда вздраги-

вала, словно на нее падало что-то тяжелое. О том, что происходило по другую сторону холма, созидающий старался не думать. В его мире войн не было и не могло быть. Он отлично помнил постулат «войны не бывает» и одного своего преподавателя, который на полном серьезе утверждал, что подобное явление становится физически невозможно, когда раса или мир доходит до определенной стадии развития. Построение было ветвистое, объемное, изобилующее примерами и выводами, и когда Ит впервые с ним познакомился (а произошло это больше двадцати лет назад, на втором курсе, на одной из первых лекций по теософии), оно казалось безупречно логически выверенным и практически неоспоримым.

Хрена с два! Земля снова дрогнула. Вот тебе и построение, дорогой Биэнн. Теперь бери это построение и ешь его с маслом, потому что ничего другого, дорогой Биэнн, есть тебе тут не предложат. Не бывает? Да как же! Еще как бывает. Вот тебе и все аксиоматические теории, вот тебе и правила построения вывода – кушай, дорогой, наслаждайся. Продвинутый мир, стандартная техногенная цивилизация, умеренное многобожие, все те же, наверное, заповеди – не убивай, не кради... а каков результат! Нравится? Вот и думай, Ит, про теорию и практику. Делай выводы.

Он посмотрел на Ри и Скрипача. Инженер спал, как убитый, и, конечно, не заметил, что Скрипач подполз к нему поближе и приобнял – ему было холодно, и он пользовался лю-

бой возможностью согреться. Да уж, еще одна загадка, причем из области фантастических. Совершенно непонятное существо. Никому непонятное. Ни Сэфес, ни Барду, ни Ри, ни Искину, ни самому Иту. И при этом – было в Скрипаче что-то бесконечно родное, настолько родное, что созидающий в последнее время старался избегать этих мыслей, они пугали, от них делалось не по себе. Когда у Скрипача болела нога, Ит словно начинал чувствовать боль сам. Не такую, конечно, как сам Скрипач, но какой-то оттенок боли появлялся в сознании, и несколько раз созидающий ловил себя на том, что начинает прихрамывать. Когда Скрипач радовался, неважно чему, хоть тем же птицам, Ит, опять помимо собственной воли, тоже начинал ощущать непонятно откуда берущуюся шальную, алогичную радость. Несколько раз он пытался как-то проанализировать это все, но ничего толком не получалось. Не могли они со Скрипачом быть неким разделенным целым, стремящимся к единству. Никак не могли. Однако...

«Ну, войны ведь тоже не бывает, – отрешенно думал Ит. – И войны не бывает, и генетических двойников, похожих, как две капли воды, в разных концах вселенной, и холодно не бывает, и страшно. И общемировых катастроф не бывает. На самом деле ничего этого, конечно, нет, и не может быть. Ведь так? Интересно, если бы я рассказал про все это маме, отцу и братьям, мне бы кто-нибудь поверил? Вряд ли. Вообще непонятно, что делать, если удастся отсюда выбраться. Домой? А Скрипач?.. Его куда? С собой? Вернуть на ту свалку?

Нереально. И одно нереально, и другое. Он же привязался, как собака, его же жалко, за него больно, страшно, он безобидный и добрый, и до него никому нет дела, кроме меня. Вылечить? Искин сказал, что это невозможно. И даже если вылечить, куда потом? Нам ведь придется... О, Боже, теперь еще и «нам». Вот только этого не хватало...»

Прошло, вероятно, уже несколько часов. Дневной свет в расселине стал меркнуть, сереть. Наступал вечер. Ит с трудом стряхнул с себя полудрему, сел поровнее, осторожно подвигал затекшими руками и ногами. Холодно. Все время холодно. Он прислушался. Звуков больше не было, земля перестала вздрагивать. Все закончилось? Отсюда не поймешь, придется выйти и посмотреть, что там и как.

Прежде, чем растолкать Ри, Ит осторожно размотал Скрипачу ногу. Опухоль спала, да и краснота стала поменьше. Если не будет придуриваться, то вполне сможет идти. Вопрос в другом – можно ли идти...

Проснувшийся Ри сонно потер глаза, с хрустом потянулся и зевнул.

– Ты чего меня не разбудил-то? – хриплым со сна голосом спросил он.

– Задумался, – честно ответил Ит. – Слушай, там тихо стало. Может, выйдем, посмотрим?

– Лучше я один, – подумав, отозвался инженер. – Ты пока Скрипача разбуди. Может, дорога уже свободна.

– Ладно, – кивнул созидающий. – Черт, пить хочется...

– Мне тоже, – уныло пробурчал Ри, протискиваясь в щель. – Ладно, если Бог даст, скоро выберемся отсюда, а там, глядишь, и попьем. Я бы еще и пожрал...

Ит замотал Скрипачу ногу обратно и осторожно потряс его за плечо. Тот открыл глаза сразу, и вдруг Ит понял – Скрипач давно уже не спит, но почему-то до сих пор притворился спящим.

– Тссс, – Скрипач прижал палец к губам и потряс головой. Говорил он свистящим шепотом, от которого Иту стало неудобно. – Синее! Семьсот. Пальцы в чужое железо, а потом семьсот. Вкрапления в серое. И, наверное, веер. Рrrrrраз! Не слышу синее.

Ит опешил. Для Скрипача, почти всегда молчащего или бросающего свои непонятные фразы скупно и отрывисто, это была огромная речь. В голосе его слышалась неподдельная тревога. Ощущение опасности, до того не оставлявшее Ита с самого утра, усилилось.

– Я сейчас, – пробормотал он. – Сиди тут и жди, хорошо? Я пойду, позову Ри. Ладно?

– Вкрапления не через зеленый круг, – лицо Скрипача страдальчески исказилось. Видимо, он пытался подобрать подходящие слова, чтобы выразить какую-то важную мысль, но слова никак не желали находиться. – Другая сторона. Не демоны. А хотят, чтобы демоны. Половинки, на общий фон, красивое... Не хотят. Семьсот!

– Я сейчас, – повторил Ит.

Он ползком выбрался из каменной щели. Огляделся, хотя в наступающем сумраке видно было плохо. Ри нигде не было. Ит на секунду задумался, затем быстрым шагом пошел к вершине холма.

Ри, как он и предполагал, обнаружился там. Он лежал в жухлой траве, и внимательно смотрел куда-то вниз. Услышав шали Ита, он, не оборачиваясь, прошептал:

– Не маячь, пригнись. А лучше ляг. Мы и так как на ладони, но все равно.

Ит лег и тоже присмотрелся. Нет, ничего не видно. Слишком темно.

– Я через биокомп смотрю, – пояснил Ри. – У тебя детектор есть, воспользуйся.

...По лощине внизу, между двумя холмами, бродили люди. От того, как они выглядели и что делали, Ита передернуло. Люди были закованы в броню, с головы до ног, и броня эта делала их почти невидимыми – видимо, экранировала или поглощала если не весь спектр, то большую его часть. Если бы не детектор, увидеть такого воина можно было бы лишь тогда, когда он подойдет к тебе вплотную. Люди внизу медленно ходили по какой-то схеме, иногда нагибались, и вдруг Ит понял, что у них под ногами тут и там валяются тела, которые эти люди деловито осматривают и обшаривают, переворачивая, словно это не тела, а занятные предметы.

– Что они делают? – шепотом спросил Ит.

– Ищут, – мрачно ответил Ри.

– Чего ищут? – не понял создающий.

– Угадай, – инженер повернулся к Иту. Лицо его было мрачнее тучи. – Нас. Я только сейчас понял. Если бы не Скрипач, мы к моменту этой стычки были бы как раз там, между этими холмами.

– Так это все...

– Исключительно в нашу честь, – подтвердил Ри. – А что? Все логично. Трех дураков понесло невесть куда между двух враждующих территорий, и они случайно угодили в локальный конфликт. Тут это, видимо, не редкость. Сами виноваты. Надо было сидеть там, где безопасно, а не лезть на рожон.

– Надо дожждаться, пока они уйдут, и потом...

– Они не уйдут, – уверенно сказал Ри. – У них, по всей видимости, приказ. Они не уйдут, пока не убедятся, что мы мертвы.

– Господи... Ри, давай вернемся, а то там Скрипач один, – начал было Ит, но его слова прервал тихий шорох, и через несколько секунд безумец на четвереньках подполз к ним.

– Веер, – констатировал он, указывая рукой вниз. – Видишь?

– Как вовремя у тебя заболела нога, – задумчиво сказал Ри. – Молодец, Скрипач.

Тот расплылся в радостной улыбке, и у Ита на мгновение возникло в глубине души что-то светлое и очень похожее на счастье. Возникло и исчезло...

– Надо что-то делать, – с тревогой пробормотал инженер. – Причем, быстро. Они скоро начнут расходиться все дальше и дальше в стороны, и найдут нас. Удивительно, что до сих пор не нашли. Не понимаю, почему.

«Сейчас объясню, – одновременно раздался у них в головах сердитый голос искина. – Это я. Но учтите, это максимум того, что я смог сделать, не привлекая ничьего внимания. У них действительно приказ, и они действительно не уйдут, пока не обнаружат ваши тела. Ри абсолютно прав».

– Что ж ты раньше молчал, железяка проклятая?! – инженер чуть не заорал, но заорать шепотом не получилось. – Ты что, наблюдал за нами и ни черта не делал?!

«Я не могу ничего сделать, я боюсь навредить Барду и Сэфес, и вам тоже. Любое мое действие, которое они сумеют отследить, может послужить спусковым крючком для действий с их стороны».

– Но сейчас-то ты делаешь!..

«Не кричи, пилот. Пожалуйста. Повторяю – эта защита является максимумом, больше я ничем не могу помочь. Я – не могу. А вот Ит – может».

– Я? – удивился тот. – Но чем?

«С помощью детектора ты способен снять с вас троих матрицы, – искин быстро развернул у Ита в голове схему. – Они останутся стабильными больше местных суток. За это время вы сможете порядочно продвинуться и у вас появится хоть маленький, но шанс на...»

– Искин, ты одурел, – мрачно сказал Ит. – Да, это возможно, но у меня нулевой ресурс. Я это сделаю, но что потом со мной будет...

– Дотащим, – уверенно заявил Ри.

– Сто с лишним километров? – криво усмехнулся создающий.

– Искин, другого варианта точно нет? – спросил инженер.

«Нет. Я просчитал все, что было возможно. Этот вариант тоже плох, но он хотя бы позволит вам выиграть время».

– Но мы же себя обнаружим, – не согласился Ит. – Матрицы распадутся, и они поймут все – и про детектор, и про то, что мы их обманули. А мы за это время не успеем дойти до моря. Никак.

– Искин, подожди, – попросил Ри. – Если мы это сделаем... допустим... ты сможешь и дальше обеспечивать нас маскировкой? Если да, то в этом всем есть смысл, надеюсь.

– А что будет с нашими? – с тревогой спросил Ит. – Что будет с ними, если эти поймут, что мы их обманули?

«Ничего хорошего, но и ничего критического, – подумав, ответил искин. – Разве что вопросов, которые им задают, прибавится. Не думаю, чтобы их тронули. Они нужны».

«А мы – нет, – подумал Ит. – Мы были нужны только как орудие шантажа».

– Хорошо, – сказал он вслух. – Давайте попробуем. Только... Ри, вам со Скрипачом лучше спрятаться обратно, наверное. Так безопаснее.

– Ну уж нет, извини. Если я правильно понял, ты рухнешь сразу, как только запустишь матрицы. Поэтому мы все же останемся с тобой.

– Ладно, – сдался Ит. – Нам надо спуститься вниз. Я пущу матрицы в обход холма, чтобы у нас было время вернуться обратно до того, как...

Он не договорил, да не было в этом никакой необходимости, все и так было ясно. Они ползком спустились с вершины холма и пошли вниз, все ускоряя шаг. Метрах в трехстах от валунов Ит остановился, огляделся.

– Годится, – сообщил он. – Вы лучше все-таки отойдите. А то я вроде бы соображаю, как это делать, но, поскольку не делал никогда...

– Ага. Пойдем, Скрипач, – Ри взял упирающегося безумца за рукав и потащил в сторону. – Пойдем, пойдем, так надо.

Когда они отошли, Ит закрыл глаза, опустил голову и вывел в сознании нужную схему. Ему было страшно, но в то же время он ощущал какой-то совершенно незнакомый задор – сумею или не сумею? Получится?.. Ладно, начали. Думать некогда.

Воздух вокруг него задрожал и потеплел. Откуда-то, словно отовсюду сразу, к Иту потянулись тонкие, паутинные нити, которые начали концентрироваться перед ним в смутно различимые силуэты. Созидающий чувствовал, что тело его тоже сотрясают волны дрожи, дыхание резко участилось, позвоночник вдруг пронзила резкая, щемящая боль, которая,

впрочем, тут же прошла. Силуэты обретали все более различимые очертания, набирали объем, и тут Ит ощутил, что силы стремительно заканчиваются, что их не хватает. Он напрягся, что было мочи, моля только об одном – Господи, хоть бы получилось, хоть бы меня хватило на это, ведь от этого сейчас зависит если не все, то почти все...

Последний отчаянный рывок – и Ит упал на колени, чувствуя, что задыхается, что воздух почему-то перестал проходить в легкие, но меркнувшее сознание сумело уловить одновременное, совершенно синхронное движение трех фигур, которые, разом повернувшись, бросились бежать по склону и почти мгновенно исчезли в сумерках. Он еще раз попытался вдохнуть, но горло сжимали невидимые стальные руки. Мир мутнел, расплывался, таял. В последнюю секунду, перед тем, как потерять сознание, Ит успел почувствовать, как кто-то подхватывает его за плечи, и тут все исчезло уже окончательно.

* * *

Лицо почему-то было мокрым, вода стекала по шее за шиворот, горло болело, саднило. Он, не открывая глаз, неуверенно поднял руку, но ее тут же кто-то схватил и начал гладить. Так, понятно. Скрипач. Не будет же Ри так делать. От этой мысли стало смешно, но смеяться сил не было. Ит с трудом открыл глаза. Так и есть. Скрипач сидит рядом, лицо

у него заплаканное, глаза красные. О, смотри-ка, а ведь рас-
свело. Утро? Или день?..

– Очнулся наконец, – с облегчением сказал Ри. – Я уж ду-
мал, что тебе кранты. Почти десять часов как труп валялся.
Ну ты и напугал...

– Получилось? – голос звучал непривычно, хрипло и низ-
ко. Говорить было больно, но не так сильно, как он боялся.

– Получилось в лучшем виде, – заверил инженер. – Под-
стрелили матрицы, погрузились и уехали. Матрицы, конеч-
но, забрали с собой. Слушай, а из чего они сделаны? На-
столько реалистично, что я даже испугался. Не особенно
приятно видеть свой собственный труп, – он нервно хихик-
нул.

– Вода, – ответил Ит. – Скрипач, помоги сесть... Это вода,
Ри. Ничего больше.

– Представляю, как у них вытянутся морды через пару
дней, – заметил Ри. – Кстати, о воде. Скрипач добыл воды,
когда они уехали. Пить хочешь?

– Спрашиваешь! Давай скорее, – созидающий подумал,
что, может быть, горло будет саднить меньше, если напить-
ся, и оказался совершенно прав. Стоило выпить несколько
глотков из поднесенной Ри банки с водой, и боль в горле су-
щественно уменьшилась. Банка была грязная, вода отдава-
ла листовенной прелью, но Ит подумал, что ничего вкуснее в
жизни не пил. – Ри, надо двигаться дальше. Матрицы просу-
ществуют трое суток, и поэтому...

– Ты же говорил, двое.

– Удалось сделать на трою, – усмехнулся Ит. – Потом они просто распадутся.

– А ты идти сможешь? – с сомнением спросил Ри.

– Смогу, – поежился созидающий. – Должен. В конце концов, вы поможете.

– Ладно. Тогда отдохни еще немножко, и двинулись, – Ри с участием посмотрел на Ита. – Знаешь, я того... Извиниться хотел.

– За что? – удивился тот.

– Понимаешь, я тебя первое время слизняком считал. Сталкивался с этим типом людей, и терпеть его не могу, – признался инженер. – Снобы и чистоплюи. Которые болтать горазды, а на поступок неспособны. Я, когда тебя впервые встретил, подумал – ну вот, свела нелегкая. Ненавижу таких! Нос до небес, весь из себя культурный, и не ругнись при нем, и все по правилам, и элитарность, и...

– Я понял, – покивал Ит. – У меня такие братья. По-моему, их даже отец из-за этого избегать начал. Они на весь мир смотрят свысока и, как мне кажется, считают свое мнение единственно возможным и самым правильным. Я по сравнению с ними... эх... – он горестно махнул рукой. – Мне и самому это не нравилось. Знаешь, они играли... ну, есть такая игра, когда люди разбирают себе роли и...

– У нас таких игр нет, есть с ролями, но они военные, – вставил Ри.

– Нет, тут другое. У нас эта игра называется «Филигранная интрига», – объяснил созидающий. – У нашей семьи и так статус высокий, а они в игре брали себе самый высший, в приближении к Абсолюту. Однобуквенные имена, изысканное обращение, утонченность, игра слов и все подобное. Когда человек в двадцать четыре года на полном серьезе считает, что подобное делает его выше и лучше...

– А ты? – с интересом спросил инженер.

– А я ушел заниматься фольклором. Сказками. Нет, мне ничего не говорили, но я чувствовал, что и сами братья, и из изысканное общество из «интриги» считают меня... слишком простым. Неподходящим для столь возвышенных особ.

Ри посмотрел на Ит с сочувствием.

– Да уж, – протянул он. – Но ты все равно извини, ладно? Я-то подумал, что ты как раз из этих.

– Я уже теперь не знаю, из каких я, – тяжело вздохнул Ит. – И ни из тех, и ни из этих. Ладно, Ри, пошли. Надо двигаться. Сначала потихоньку, потом разойдусь, наверное. Скрипач, бери банку, и пойдем. Давай, давай, милый. Ничего, я сам встану, со мной уже все нормально.

...Сквозь туман, стоящий на дне лощины, пробивалось робкое осеннее солнце. Три человека шли, стараясь поменьше смотреть под ноги, и молчали. Каждый думал о чем-то своем, но делиться мыслями не хотел – порой лучше смолчать, чем произнести что-то, что не имеет пока четких очертаний, а лишь видится, смутно и зыбко, как этот туман. Луч-

ше молчать, чтобы не спугнуть начинающий рождаться от-
вет.

Превращение

По тридцать километров в день. Вдвое больше, чем предполагалось изначально. Под проливным дождем. По земле, искалеченной бесконечной чужой войной. Чувствуя, как тают и без того невеликие силы, без еды, без теплой одежды. Может быть, если бы не погода и не изувеченная земля, они проходили бы больше. Но в таких условиях и тридцать километров давались с огромным трудом.

Помня о защите, поставленной искином, они шли, особо не скрываясь – сейчас отследить их можно было только визуально, но, по заверениям того же искина, в радиусе пятидесяти километров не было никого живого.

– Придут они по наши души, придут, – мрачно говорил Ри, когда вечером второго дня они расположились на отдых в сырой, заросшей кустами лощине. – Вопрос только – когда?

– Скорее всего, завтра, – Ит устал настолько, что даже говорить было трудно. Стараясь не подвести остальных, он шел, стараясь не отставать, но создание матриц отняло огромное количество сил, и сейчас ему приходилось даже хуже, чем Скрипачу, у которого снова разболелась нога. Однако вида он не подавал и шел, стараясь не отставать от Ри.

Сырные корки, которые Ит собрал перед тем, как они отправились в путь, давно кончились. Впрочем, о еде они почти не думали, некогда было. К счастью, и Ри, и Ит были

приучены жить более чем скромно, и оба оказались неплохо тренированы – Ри признался, что занятия спортом были у них обязательной дисциплиной для всех без исключения, а Ит в ответ рассказал, что у него дома считалось зазорным спать больше пяти часов кряду, а бегать его отец приучил с малолетства. Для Скрипача, привыкшего к нелегкой жизни на свалке, и погода, и отсутствие еды тоже были явно не в новинку, по сути дела, его беспокоила только больная нога, а так – практически все устраивало. Конечно же, они устали, но понимание того, что может произойти, если они не дойдут, придавало новые силы. Что же до Скрипача, то он радовался тому, что находится рядом с людьми, которые ему безумно нравились, и если им надо куда-то – то и ему туда же, никаких проблем.

– Что делать будем, когда придут? – спросил Ри.

– А я им врежу, – коротко ответил Ит.

– Как? – не понял инженер.

– А так же, как на Терране. Сунутся – врежу.

– У тебя сил не хватит.

– Хватит, – угрюмо отозвался Ит. Он только что размотал упирающемуся Скрипачу лодыжку и с горечью отметил, что нога снова распухла, а краснота поползла вверх – это ему особенно не понравилось. Скрипач снова дернулся и что-то жалобно пискнул. – Сиди, дурак. Сиди, говорю, куда?!

– Последний рывок остался, – заметил Ри. – На станции вылечим, только бы дошел.

– Что искин говорит?

Из соображений осторожности с искином теперь связывался только Ри.

– Что сумеет прислать за нами какой-то транспорт. Но только в четко обозначенное время, – инженер, наконец, лег и пожегся от холода. – С нашими ему связаться не удалось. То есть он пытался это сделать, но Таенн не ответил.

– Но они живы? – Ит понимал, что говорит сейчас глупость, но точнее сформулировать свой вопрос просто не сумел.

– В нашем понимании – да, живы. И относительно целы, – ответил инженер. – Самое поганое, что корабль с детьми от станции так никто и не увел, оказывается. Он все еще там.

– О, черт... – простонал созидающий. – Стоит нам вернуться, и все пойдет по второму кругу.

– Боюсь, что да, – согласился Ри.

– Если сумеем сделать все так, как сказал искин, то на шантаж у них просто не останется времени, – подумав, заметил Ит. – Они смогли нас шантажировать только потому, что нам некуда было деваться. Но в этот раз все будет иначе – капсула-то откроется. И у нас не будут связаны руки.

– Может быть, и так, – инженер зевнул. – Время покажет. Ит, заматывай ему ногу обратно, и ложитесь.

– Пусть еще немножко так посидит. Эта ткань проклятая ему до крови там все стерла. А ты заметил – он ведь молчит, не ноет, несмотря на то, что с ногой гораздо хуже, чем когда

он нас остановил?

– Заметил, конечно. Я же еще тогда сказал, что нога у него как-то уж очень вовремя заболела, – покивал Ри. – Ох, неспроста он за нами увязался, вот что я тебе скажу. И не так он прост, как кажется.

– Ри, я... – Ит осекся. – Я за него боюсь... Сиди, бестолочь ты этакая, куда? Сиди, дай обратно замотаю. Не приставай, сказал, посиди ты хоть минуту спокойно!

– Почему боишься? – не понял инженер.

– Потому что у меня ощущение, что, случись что посерьезнее, он за нас в огонь и в воду полезет, – созидающий, наконец, закончил бинтовать Скрипачу лодыжку, и теперь тот натягивал на ногу истрепанный ботинок. По счастью, ботинок был Скрипачу сильно велик, и нога с повязкой спокойно в нем помещалась.

– За нас – или за тебя? – немного ехидно спросил Ри.

– За нас, – без колебаний ответил Ит. – Видишь, как он к тебе хорошо относится? – спросил он со смехом.

Скрипач подполз к Ри, взял его за руку и принялся гладить пальцы – каждый палец по отдельности. Чужие пальцы его в последнее время очень занимали. В отсутствии других подходящих игрушек Скрипачу приходилось довольствоваться тем, что есть – а пальцев в его распоряжении оказалось аж двадцать штук. Понимая, с кем они имеют дело, владельцы пальцев предпочитали терпеть, не возражая – лучше пусть развлекается таким образом, чем рыщет по

окрестностям в поисках чего-нибудь с его точки зрения красивого и привлекает внимание.

– Мне все-таки кажется, что он умнее, чем выглядит, – Ри высвободил руку, улегся поудобнее. – И еще мне кажется, что ту же ситуацию с засадой он предвидел. Может, даже и сознательно. Как-то почувствовал, понял и сумел нас остановить. Если бы мы там оказались, мы бы сейчас не разговаривали.

– Мне кажется ровно то же самое, – согласился Ит. – Но я не думаю, что он сознательно это сделал. Почувствовал опасность, ты верно сказал, и отказался идти дальше. Это не сознательное, это что-то другое.

– А что тогда?

– Понятия не имею. Может быть, услышал что-то. Или те же птицы – мы не обращаем на них внимания, а он смотрит постоянно. Не знаю. Но факт остается фактом – он нас спас. И если мы сумеем дойти до станции, я ему закажу сто тарелок с картошкой и десять серых платьев, потому что то, что на нем сейчас, можно только выбросить.

Ри засмеялся.

– Да, без платья ему никак. Забавный он все-таки. Такое ощущение, что он словно в двух мирах живет одновременно – в нашем и в каком-то еще. Меня удивляет, что ты умудряешься его понимать.

– А ты совсем не понимаешь? – спросил Ит.

– Совсем, – признался инженер.

– Знаешь, а ведь он пытался со мной разговаривать. Когда ты пошел смотреть, а мы остались в камнях, – наконец решился созидающий. – Нес эту свою несусветицу, но интонации, общая структура, ритмика... – он замялся, подыскивая слова. – Может, это просто совпадение, по крайней мере, тогда мне так и показалось, но сейчас я думаю, что это было все-таки осознанно.

– И что он пытался сказать? – Ри приподнялся на локте и посмотрел сначала на Ита, а потом – на успевшего уснуть Скрипача.

– Сейчас я понимаю, что он предупреждал. Негодовал по поводу этой засады и предупреждал, чтобы мы туда случайно не сунулись. По крайней мере, мне так кажется.

– Ты потом считку покажи, ладно? Только не при нем, конечно, – попросил Ри. Ит согласно кивнул. – Морис говорил, что его надо вылечить, а я вот сейчас думаю, что не надо.

– Почему?..

– Безумные, они ведь счастливые. Нам сейчас трудно, а ему хоть бы что, ты заметил?

– Заметил, – покивал Ит. – Даже хорошо. Если бы не болела нога и было, что поесть, стало бы совсем хорошо... Ладно, давай спать. Заболтались мы что-то.

* * *

Делегация прибыла на исходе следующего дня, как и пред-

полагал Ит. На этот раз одной машиной дело не ограничилось – пришла небольшая колонна из шести машин, причем Ри с ходу определили, что в этот раз антигравы прибыли более чем серьезные, боевые, а не простые транспортные.

– Убивать нас приехали, не иначе, – мрачно сказал он. – Причем всем кагалом. Больше ста человек, не считая техники. Хорошо подготовились.

– Правильно, – дернул плечом Ит. – Сразу, конечно, не убьют...

– Ну да, надо же сначала поговорить, – поддакнул Ри. – Без этого никуда.

Из первой машины стали выбираться люди. На этот раз, прежде, чем показалось начальство, вышли солдаты, в той самой броне. Ит с интересом присмотрелся. В его (или не его?) воспоминаниях о Маданге ничего подобного не присутствовало. Видимо, и броня, и нынешнее вооружение появилось уже после того, как планета оказалась заключена во временную капсулу. Выглядели солдаты неприятно, даже отталкивающе. Серо-коричневая броня чем-то походила то ли на хитин насекомого, то ли на экзоскелет членистоногого – гибкие, заходящие друг на друга пластины, соединения которых скрыты внутри, и непонятно, как сделаны; треугольный, закрывающий лицо шлем, сужающийся к подбородку.

– Тараканы, – с отвращением произнес Ри. – Ты видел когда-нибудь тараканов?

– Нет, – покачал головой Ит. – Но уже понимаю, что это

что-то отвратительное.

– Не то слово. У нас дома была сказка, в которой тараканы захватили весь мир.

– И что?

– И ничем хорошим это не кончилось. О, смотри-ка, сам появился...

Из машины вылез их давешний знакомый. Солдаты почтительно расступились перед ним, образуя живой коридор, и седой военный неспешно проследовал по нему, направляясь в сторону Ри, Ита и Скрипача. Метрах в десяти от границы он остановился и выжидательно склонил голову к плечу. Ит и Ри подошли поближе. Теперь их и военного разделяло метров пятнадцать, не больше.

– Извольте объясниться, – едко сказал военный. – Наврали вы уже достаточно. Теперь говорите правду.

– Почему мы должны это делать? – вопросом на вопрос ответил Ри. – Мы соблюдали и соблюдаем все поставленные вами условия. Какие к нам претензии?

– Такие, что вы не те, за кого себя выдаете! Хватит врать! Вам удалось убедить нас в своей якобы непричастности к Контролю и даже пройти тесты, но теперь вы не отвертитесь!

– От чего? – спросил Ит с интересом. – От того, что наши якобы тела распались и превратились в лужи? Вы ведь это хотели сказать?

Военный поперхнулся.

– Видимо, он действительно про это, – задумчиво сказал

Ри. – Вот только как он собирался объяснить при разбирательстве тот факт, что люди, которые никому ничего не сделали, оказались убитыми?

– Случайно, во время инцидента, который...

– Который вы же сами и спровоцировали, – закончил инженер. – Ит, а ты обратил внимание, что они подбирали оружие у ими же убитых солдат Республик? Ловко, правда? По его замыслу мы должны были погибнуть от рук другого государства. Может быть, благородная Гана вообще послала тот отряд на нашу защиту? Я прав?

– Видимо, да, – согласился Ит.

– Заткнитесь! Оба! Мне плевать, что вы там себе выдумали, но вы сейчас тут ляжете! Потому что ложь, да еще и провокации, я терпеть не намерен!

– Правда? – вкрадчиво спросил Ит. Он шагнул вперед, и на обеих его ладонях расцвели синие огненные шары. Строй солдат в броне дрогнул, тоже подавшись вперед. – Если вы посмеете что-то нам сделать, тут ляжем не только мы, а гораздо больше народу. И объясняться с Официальной Службой и Контролем вам придется значительно дольше. Да и результат станет весьма сомнительным.

Военный оскалился, на лбу у него вздулись синие жилы.

– Сволочь... – прошептал он. – Рауф, гермо!!! Ах ты, воюющая тварь!!! Но ты же по всем тестам был человеком, гадина! Маскироваться научились?!

– А хоть бы и так, – ледяным голосом ответил Ит. – Ну

что, начнем? Добавьте в свой послужной список еще и рауф? Чтобы Мадангу оставили в капсуляции до скончания веков? Давайте, не стесняйтесь. Только учтите, что секторальная станция сейчас все это фиксирует. И даже если она не выйдет на этом пульсе из капсулы, ее рано или поздно найдут. И обо всех ваших действиях станет известно. Потому что если вы запросто сможете уничтожить нас, со станцией вы не сделаете ничего. И вы об этом знаете.

Военный еще несколько секунд неподвижно смотрел на пылающий синий огонь, затем молча повернулся и направился обратно к машине, по пути слабо махнув рукой своим солдатам. Все еще не веря, Ит молча следил за тем, как люди в броне рассаживались по машинам, и как уезжает прочь колонна. Из оцепенения его вывело легкое похлопывание по плечу. Ит обернулся, огонь в его ладонях погас.

– Ну, ты даешь, – с уважением сказал Ри. Скрипач, стоя рядом, сиял восторженной улыбкой. – Это было сильно. Ты как?

– Я сейчас в обморок упаду, – честно ответил созидающий. – Ри, их уже не видно?

– Нет, уехали... Искин, верни нам защиту, пожалуйста! И сделай по максимуму, хорошо?

Воздух вокруг помутнел, стало заметно теплее.

– Да, теперь можно не прятаться, – сообщил искин, впервые за это время вслух, не мысленно. – Хорошо вы их приложили, ребята. Но радоваться рано, вам еще до моря добрать-

ся нужно. Ит, тебе совсем плохо?

– Плохо, – кивнул тот. – Я думал, что сил у меня больше, а, оказывается, вон оно как...

Он сел на землю, затем медленно лег. Да, так лучше. Надо полежать и хотя бы немного отдышаться. Как же эти гермо тут воевали, если детектор отжирает столько ресурсов? Хотя, может, если нормально есть и спать, то все будет не так? Или не будет? Что же там Стовер говорил... что-то он говорил про то, что гермо гибли... из-за чего? Леон сказал, что из-за Стовера. Стовер сказал, что из-за Контролирующих. А еще кто-то сказал...

* * *

– Скрипач, да не дергай ты его! Не дергай, говорю. Оставь в покое! – раздраженный шепот Ри звучал где-то в отдалении. Ит приоткрыл глаза и прислушался. – У нас еще полно времени, пусть поспит.

– Все в порядке, – Ит сел, потрянул головой. – Я долго лежал? – спросил он, стараясь, чтобы голос звучал по возможности бодро.

– Искин уже объяснил, в каком ты порядке, – сердито ответил Ри. – А нам еще больше тридцати километров топать. Ты вообще идти сможешь?

– Сейчас проверим.

Скрипач тут же оказался рядом и засуетился, помогая

Иту встать. Видимо, Ри удерживал его, не давая разбудить, и Скрипачу это сильно не понравилось – на Ри он смотрел злым, мрачным взглядом, но от комментариев пока что воздерживался. Стоило Иту подняться на ноги, как он ощутил страшное головокружение и изо всех сил вцепился в руку Скрипача, чтобы не упасть.

– Понятно, – констатировал Ри. – Ложись. Никуда ты пойдешь.

– Нет-нет-нет, погоди, – созидающий прикрыл глаза, замер. Головокружение постепенно проходило. – Нормально, ничего, просто слишком резко встал, наверное. Ри, идем. У нас времени мало.

– Врешь ты, созидающий, как дышишь, – осуждающе покачал головой инженер. – Но... ладно. Ты прав, надо двигаться.

Сначала идти было очень трудно. То голова начинала кружиться, то ни с того, ни с сего накатывала отвратительная слабость. Но потом стало полегче, тем более, что шли они сейчас по остаткам старой дороги. Пусть разбитой, пусть в трещинах, но все-таки дороги. Это оказалось не в пример проще, чем брести, как раньше, по колено в траве, поминутно спотыкаясь о кочки и проваливаясь в канавы, заполненные водой.

Ит все никак не мог сообразить, сколько прошло времени после той встречи. Сутки? Несколько часов? Лишь когда стало вечереть, он понял, что пролежал недолго. Час, два.

Ну, три. Но никак не целый день. Уже хорошо. Если сейчас ничего не случится, они успеют.

Стемнело. Они продолжали идти, но темп, конечно, существенно снизился. Воспользоваться помощью искина они не рискнули – да, конечно, очередной раунд «переговоров» с седым военным они вроде бы выиграли, но рисковать лишний раз совершенно не хотелось.

Ит брел все медленнее, спотыкаясь. Скрипач упорно хромал рядом, ежеминутно с тревогой стараясь заглянуть ему в глаза. Ри приходилось из-за них замедлять шаг, он нервничал.

– Слушай, Ит, давайте остановимся, – наконец предложил он. – Вы сейчас оба свалитесь. А двоих я не дотащу.

– Нет, – ответил Ит. – Пойми, если я сейчас лягу, то потом уже не встану. Сколько еще идти?

– Искин, далеко еще? – спросил Ри.

– Семь километров, – ответил искин. – Ребята, я не хотел вас пугать, но береговая полоса перекрыта. Видимо, они ждут, чтобы Ит вымотался и не мог сопротивляться. Там почти тысяча человек и три морских антиграва. Я догадываюсь, что они задумали, и в этом нет ничего хорошего.

– Мразь проклятая, – прошептал Ри. – Искин, мы можем что-то сделать? Их реально обойти?

– Нет. Мало того, со стороны Республик к границе тоже подходит техника. И совсем не похоже, что они собираются воевать друг с другом. Они ждут вас.

– Но зачем?! Все, что можно было сказать, уже сказано! Какой смысл нас останавливать, ловить, держать взаперти? И так же ясно... – начал Ри, но Ит его перебил:

– Видимо, они посоветовались и приняли какое-то новое решение, – тихо сказал он. – Нас не пропустят. Но есть у меня одна мысль... искин!

– Слушаю.

– Скажи, ты по приказу Ри сможешь подвести станцию к берегу?

– Смогу, – голос искина звучал неуверенно.

– А сколько времени тебе для этого потребуется?

– Нисколько. Вернее, столько, сколько скажет пилот.

– Все, не продолжай. Ри, нам все-таки надо туда, на берег, – созидающий с тоской посмотрел на инженера. – Я понимаю, что это звучит, как полный абсурд, но...

– Ит, а тебя там случайно не подменили во время какого-нибудь допроса? – спросил Ри.

– Да вроде бы нет, – отозвался он. – Слушай, вот что у меня в результате получается...

* * *

К ярко освещенной, заполненной людьми и техникой береговой полосе они подошли не спеша, не скрываясь. Первым шел Ит, следом за ним – Ри и Скрипач. На всякий случай Ри крепко держал Скрипача за руку (а ну как решит вы-

кинуть какой-нибудь фортель?), но, похоже, в этом не было необходимости – когда Скрипачу объясняли, что нужно делать и как себя вести, он слушал очень внимательно и один раз, кажется, даже кивнул.

При их приближении шум на берегу стих. Люди замерли, лишь двигатели антигравов продолжали работать, заполняя пространство монотонным низким гулом.

Ит продолжал идти. Метрах двадцати от солдат, выстроившихся в защитную линию, он остановился. Ри и Скрипач остановились тоже.

«Море, – вдруг подумал Ит. – Я ведь слышу море. А вдруг это вообще в последний раз?»

– Освободите дорогу, – негромко сказал он. – Я прошу похорошему, слышите? Освободите дорогу!

– А больше вам ничего не надо? – издевательски крикнул кто-то. – Корабль не предоставить для морской прогулки?

– Было бы неплохо, но в этом нет необходимости, – спокойно ответил Ит. – Уходите.

– Вот что, гермо, – этот голос они узнали сразу же. – Кончай этот блеф. Даже с боевым детектором ты сумеешь зацепить человек пятьдесят, но никак не больше. Остальные превратят вас в кашу за несколько секунд. Шутки и игры кончились. Я предлагаю вам сдаться, этим вы спасете свои жизни.

– Не тебе распоряжаться нашими жизнями. И я не гермо. Я человек.

– Конечно, человек, ври больше. Напичканный техноло-

гиями рауф, засланный сюда с целью...

– У меня нет ни желания, ни времени продолжать эту беседу, – Ит поднял руку. – Последний раз предупреждаю – уйдите.

– Да что ты сделаешь-то?

– Посмотрим, – ответил Ит. – Давай, Ри.

То, что происходило дальше, заняло считанные секунды, но Иту эти секунды показались вечностью.

Он ударил. Ударил одновременно в тысячу мишеней сразу, вкладывая в удар все, что имел, все силы, всего себя. Он не думал в тот момент, что же будет потом. Существовало только «сейчас», никакого «потом» предусмотрено не было. Никаких визуальных эффектов тоже – атака Ита была направлена на то, чтобы выиграть по времени ровно минуту. На самом деле, можно было бы обойтись меньшим временем, но Ит не хотел рисковать.

Несколько секунд ничего не происходило. А затем люди начали падать на землю, без единого звука или лишнего движения, ровно и плавно – ему удалось опередить всех, ни одного выстрела так и не прозвучало. Да, парализующий заряд, который использовал Ит, был слаб, но этого все равно с лихвой хватило – в тот момент, когда и сам Ит начал оседать на песок, в сотне метров от полосы прибоя возникла из ниоткуда секторальная станция. От нее метнулся к берегу сияющий золотом луч. Ри подхватил ставшего почему-то странно легким Ита на руки и шагнул в свет.

– ...Не ори! Заткнись, урод, не ори, сказал!.. Искин! Что мне делать?! Да не ори, сволочь!!!

Скрипач выл. Он стоял на коленях, вцепившись обеими руками в штанину Ри и выл, гортанно, давясь слезами, выл, не останавливаясь. Из-за крика Ри не слышал ответов искина, и, наконец, не выдержав, он, что было сил оттолкнул Скрипача ногой. Тот кубарем покатился по полу, да так и остался лежать, скорчившись, едва слышно скуля.

– ...за твоей спиной! Ри, обернись! Обернись и иди в проход, повторяю, он за твоей спиной!

На Ита лучше было не смотреть. Один раз Ри случайно опустил глаза, и едва не уронил его на пол – от ужаса. Выглядел созидающий чудовищно. От нормального человека, который еще несколько минут назад ходил, говорил, и что-то делал, остался скелет, обтянутый кожей. Но самым страшным было другое. Ит оставался в сознании, он улыбался. Слабо, но вполне различимо.

– Ри, ты меня слушаешь?

– А? Чего? – инженер остановился, крутанулся на месте, оглядываясь.

– Успокойся, пожалуйста, – попросил искин. – Справа вход в медицинский блок. Войди, положи его и вернись за Скрипачом. Тебе придется проводить его сюда, у него сло-

мана нога.

– Растянута, – поправил Ри, укладывая Ита на вырастающий из пола светло-серый постамент. – Всего лишь растяну-та.

– Сломана. Другая нога, Ри. Та, по которой ты его ударил. Инженер замер. Прикрыл глаза и на секунду даже перестал дышать. Но лишь на мгновение, не больше.

– Хорошо, – сказал он бесцветным голосом. – Что с Итом, в результате?

– Через сутки, максимум, через двое он будет в порядке, – ответил искин столь же бесстрастно. – Он просто потратил слишком много ресурсов на то, что сделал. Но их вполне можно восстановить. Сходи за Скрипачом, пожалуйста.

Ри с сомнением посмотрел на Ита. Тот приоткрыл глаза и снова улыбнулся. Тело его тонуло в мягком сиянии, исходящем из блока, его словно окутал туман.

– Со мной все нормально, – прошептал он. – Ри, правда! Я не вру. Приведи его, хорошо? Он один, ему больно. Приведи его сюда.

– Тебе надо спать, – сказал искин. – Извини, но я тебя сейчас отключу.

– Нет! – запротестовал Ит. – Искин, подожди! Не надо!.. Давай потом, чуть позже, хорошо? Я его все-таки дождусь. Увидишь, я справлюсь.

– Ладно, – сдался искин. – Полчаса, не больше. Тебе надо сейчас максимально снять нагрузку. Ри, будь так любезен...

Ри кивнул. Он вышел из медицинского блока и направился обратно, в зал управления. Сказать, что ему не хотелось идти – это ничего не сказать. Инженеру было стыдно. Невообразимо стыдно. Он чувствовал, что уши у него пылают, а лицо заливают краской. Надо было срочно все как-то исправить, но как?

Скрипач при его приближении скорчился еще сильнее и начал отползать к стене. В его глазах плескался ужас, как у собаки, внезапно и совершенно без причины избитой любимым хозяином. Я ничего не сделал, а ты... за что? Скрипач уперся спиной в стену, Ри вдруг заметил, что он трясется мелкой дрожью. Инженер присел на корточки перед ним и несмело протянул руку, тот дернулся.

– Прости меня, пожалуйста, – попросил Ри. – Прости, я же не нарочно. Я не хотел тебя обидеть. Понимаешь? Я сам испугался, потому и ударил тебя. Прости, слышишь? Клянусь, я никогда больше тебя не обижу...

Он все-таки протянул руку и погладил Скрипача по спутанным мокрым волосам. Тот напрягся, всхлипнул, но Ри, повинуясь наитию, руки не убрал.

– Не бойся, пожалуйста. Сейчас мы тут немножко посидим и пойдем к Иту, ладно? – Ри говорил медленно, старательно подбирая слова и пытаясь говорить ровно и максимально спокойно. Скрипач уставился на него во все глаза. Страх во взгляде мешался с робкой надеждой. Инженер приободрился. – Ит тебя ждет. Давай я помогу тебе дойти к

нему?

Ри видел – Скрипач колеблется. С одной стороны, ему хочется к Иту, с другой – он все еще боится его, Ри... и от этого страха надо избавляться, срочно, потому что если не сделать этого сейчас, то не получится уже никогда. Он сел рядом со Скрипачом на пол и осторожно обнял его одной рукой, второй продолжая гладить по голове.

– Не бойся, пожалуйста, – просил Ри. – Прости меня. Прости, слышишь? Ты очень хороший, ты умница и про засаду ты тогда угадал, и сейчас вел себя просто замечательно, а я дурак, все испортил, и очень перед тобой виноват, я тебя больше не обижу, всеми святыми тебе клянусь...

Скрипач плакал. Ри чувствовал, как вздрагивают его плечи.

«Как же я мог так? – думал он с раскаянием. – Он же словно ребенок, если вдуматься. Сейчас я могу хоть чем себя оправдывать, а все равно оправдания мне нет. Он испугался, а я...»

Ри осторожно отстранил Скрипача и принялся ладонью вытирать ему слезы. Прежнего страха у того в глазах больше не было, но он все еще смотрел на Ри с робким недоверием.

– Пилот, время, – напомнил искин. – Поторопись.

– Пойдем, пожалуйста, – попросил Ри. – Давай помогу тебе встать, и пойдем к Иту.

– Скрипач, надо идти, – вдруг сказал искин. Ри опешил – до этого система не обращала на безумца никакого вни-

мания. Ри помнил, как искин назвал того «гостем», но после этого он Скрипача игнорировал практически полностью и никогда не обращался к нему напрямую. – Иди с Ри, он проводит тебя к Иту. И нам надо полечить твою ногу. Иди, Ри тебя проводит.

Скрипач заозирался, силясь понять, кто к нему обращается, а потом с недоумением посмотрел на Ри.

– Пойдем, – повторил тот в который раз. – Это с тобой машина говорит. Голос есть, а человека нет. Пойдем, Ит тебя ждет.

До медблока Скрипача пришлось тащить едва ли не на руках – он мог кое-как опираться на вывихнутую ногу, но не более того. Ри помог ему сесть на второй постамент, выросший рядом с первым, на котором лежал Ит. Тот повернул голову и улыбнулся Скрипачу. Тот радостно заулыбался в ответ.

– Не сердись на Ри. Он хороший, – голос Ита звучал слабо, но твердо. – Видишь, все в порядке. Мы живы, целы. Скоро заберем Леона, Мориса и Таенна, и все вместе отправимся дальше, где нет злых людей, зато есть звезды. И никто никого не будет обижать.

– Ты... слышал?

Ит кивнул. Ри видел, что созидающий устал, что он держится из последних сил, но его удивило и поразило другое. За эти дни в Ите появились такая твердость и сила воли, каких Ри и предполагать не мог. Если до этого у инженера ни-

как не получалось считать Ита равным себе, то сейчас он понимал – они равны.

– Ты все правильно сказал и сделал. Он не будет тебя бояться, ему просто надо поспать и успокоиться. Вот увидишь, он не держит на тебя зла и потом не вспомнит обиды, – Ит говорил все тише.

– Почему ты так думаешь? – спросил Ри.

– Я знаю. Ты все равно не поймешь, тебе придется поверить мне просто так, – последние слова инженер едва сумел разобрать.

Скрипач повернулся к Ри и посмотрел на него, чуть склонив голову к плечу. Посмотрел уже действительно без страха, но и без особого интереса – то ли устал, то ли искин начал исподволь с ним что-то делать. Ри снова потрепал Скрипача по волосам, тот улыбнулся.

– Ри, там вызывают... эти, – напомнил искин. – Полчаса прошло, надо бы с ними поговорить.

– Сколько до момента, когда капсула откроется?

– Двенадцать часов, – ответил искин. – Иди, я справлюсь тут сам.

– Хорошо, – Ри улыбнулся Скрипачу и вышел из медицинского блока. – Искин, я хотел у тебя спросить... Ты раньше не говорил со Скрипачом, а сегодня вдруг заговорил. Почему?

– Пока вас не было, я анализировал, – ответил тот. – И пришел к определенному выводу в отношении Скрипача.

– Что за вывод?

– Скрипач – это Ит, – серьезно сказал искин.

– Как?.. – опешил Ри.

– Это один человек. Не два.

– Что за чушь?

– Это один человек, – упрямо повторил искин.

– Ерунда какая-то, уж прости пожалуйста, – Ри остановился в центре зала управления, и глянул в потолок. – Как у Сэфес, что ли? Как они говорили? Я-мы-я?

– Нет, не как у Сэфес, – терпеливо пояснила машина. – Сэфес – это одно существо. Которое рождается в двух разных проекциях. Поэтому я-мы-я – всегда двое. А Ит и Скрипач – это просто один человек.

– В двух лицах, что ли? – недоуменно переспросил инженер. – Интересно, а Ит про это знает?

– Нет, он про это не знает, – терпения искину было не занимать. – Может быть, чувствует. Или догадывается. Но я, зная о том, что это один человек, смог заговорить со Скрипачом. И он на меня отреагировал. Воспринял. А раньше даже не осознавал мое присутствие.

* * *

– ...так вот на эти правила я плевать хотел, понятно? У вас три часа. После этого я ударю. Ударю по всему, до чего смогу дотянуться. Я не Бард, и на всю их идиотскую эти-

ку мне... – Ри добавил несколько слов, которые в прилично обществе произносить не принято, на всеобщем языке они прозвучали странно, но ему сейчас было не до тонкостей. – Если вы не понимаете, когда с вами разговаривают нормально, я буду разговаривать с вами так, чтобы было доступно. Желаете шантажа? Великолепно, получайте шантаж! Вашими усилиями я за последний месяц отлично потренировался в этом способе ведения переговоров. И не вздумайте у меня перед носом размахивать детьми, беременными женщинами, или несчастными собаками!.. Этот номер со мной не пройдет. По мне, так этим детям лучше погибнуть, чем стать впоследствии пушечным мясом и положить свою жизнь на эту вашу гребаную войну!!!

Разговор с искином, который состоялся за час до того, как Ри начал то, что он сам назвал переговорами, закончился ничем – искин наотрез отказался выполнять требования пилота и в кого-либо стрелять. Ри сейчас действовал исключительно на свой страх и риск. Проклиная про себя Контроль в целом, Сэфес, Бардов, Таенна, Леона, Мориса, интеллектуальные системы, искина, Мадангу, Гану и Республики, он вышел на связь с военными и выдвинул свои требования – или через три часа Таенн, Леон и Морис будут на секторальной станции, или он устроит тут такое, что от Ганы останутся одни воспоминания и архивные сведения, да и те, если уцелеют, будут где-нибудь в Республиках, если от Республик после его атаки хоть что-то останется.

Ри душила злость, он был в бешенстве. Все, буквально все сейчас было против него – даже искин со своими занудными принципами и правилами. Инженер понимал, что сейчас он, несмотря на то, что они все-таки дошли до станции, остался один на один с обстоятельствами. Единственным вариантом оставался блеф, и Ри решил блефовать. Отчаяние и безвыходность не сломили его, отнюдь. Сейчас инженер был зол, до предела собран и горел желанием действовать.

Через полчаса бесцветный, явно принадлежащий какому-то автомату голос сообщил, что указанные личности будут доставлены на станцию. Ри уточнил, через сколько. Голос ответил, что в течение двух часов.

– Так-то лучше, – уже спокойнее сказал Ри. – Надеюсь, они в целости и сохранности. Скажем, это в ваших интересах.

Ответом ему было молчание. Ри подождал еще немного, затем прервал связь.

– Искин, – позвал он. – Налей выпить чего-нибудь.

– Пилот, а ты не хочешь сначала поесть, переодеться и вымыться? – спросил искин.

– Да пошел ты... нет, не хочу. Пусть увидят, до чего доводят их принципы, – усмехнулся Ри. – Налей немедленно, я сказал!

– Пива?

– В задницу себе это пиво засунь! Что пили Леон и Морис? Вот это и налей.

– Пилот, там пятьдесят градусов. Ты долго не ел, тебе плохо станет.

– Искин, – Ри встал, недобро прищурился и упер руки в бока. – Я у тебя, кажется, не спрашивал совета. И не нарывался на лекцию. Я тебе велел сделать – что?..

– Налить, – хмуро ответил искин.

Рядом с Ри возник столик с одной-единственной рюмкой, наполненной светло-зеленой жидкостью.

– Ты издеваешься? – ласково спросил он.

Рядом с рюмкой появилась высокая граненая бутылка.

– Так-то лучше, – удовлетворенно заключил Ри. Он сел в кресло, взял рюмку и, залпом выпил. – Фух... другое дело.

– Пилот, – грустно сказал искин. – Я очень много раз видел, как люди губят себе здоровье, накачиваясь этой дрянью. И поэтому...

– Нет, ты все-таки издеваешься, – подытожил инженер. – Нас едва не убили, мы черт-те сколько шли без еды по холоду, Ит чуть не погиб, и сейчас... сейчас ты мне пытаешься запретить выпить, потому что якобы печешься о моем здоровье?! Если бы у тебя, железяка, была плевательница, я бы попросил тебя ее заткнуть. Но поскольку плевательницы у тебя нет, я тебя попрошу просто больше не касаться этой темы. Я буду пить что хочу, когда хочу и сколько хочу. Уяснил?

– Уяснил, – ответил искин. – Люди неисправимы. Но ты все-таки не увлекайся, тебе еще станцию выводить отсюда, помнишь?

– Я не собирался увлекаться, – миролюбиво отозвался Ри. – Я просто хотел, чтобы ты понял простую вещь – мне не нужна нянька или лектор. Лучше бы ты в более серьезных вопросах помогал, чем по пустякам спорить. Как там Ит со Скрипачом?

– Скрипач в порядке, боль я снял, вывих уже зарастил, а на перелом уйдет дня три, но ходить он сможет уже завтра.

– Ит?

– Тут немного сложнее, – искин замялся.

– В смысле – сложнее? – встревожился Ри.

– Понимаешь, он сделал что-то, что я не могу проанализировать. Детектор, который дал ему Леон, на подобные вещи просто не способен. Рауф с таким детектором в таких же условиях смог бы обездвижить пятьдесят, ну сто человек, но никак не тысячу. И не надолго, уж точно не на минуту.

– А что произошло бы с самим рауф? – холодея, спросил Ри.

– Он бы умер, – ответил искин. – Потому что такая атака полностью истощила бы ресурс тела.

– Ты хочешь сказать, что он умрет, что ли?!

– Да не хочу я это сказать, что ты выдумываешь, пилот! Ему действительно пока что нехорошо, но умирать он не собирается. Дело в другом... – искин замялся. – То, что он сделал... это его изменило.

– Снова-здорово. Рассказывай.

– Изменился и продолжает меняться ряд показателей, ко-

которые для него у меня были выведены, как стандартные.

– Конкретнее!

– Очень много. Например, раньше он весил больше шестидесяти килограмм, почти семьдесят, а теперь, когда он вернется в норму, эта норма – максимум пятьдесят пять. Изменился состав крови. Реакции ускорились в полтора раза, и такими останутся. Есть еще и внешние изменения, которые я не в состоянии объяснить вообще ничем... Ри, я потом дам подробный отчет, сейчас еще рано говорить.

– Но жить он будет?

– Несомненно. Говорю же, он не собирается умирать. Но я в растерянности.

Ри помолчал, налил еще одну рюмку зеленой жидкости и принялся задумчиво рассматривать ее на свет.

– Слушай, искин, чисто теоретически... скажи, как тебе кажется, если бы на его месте оказался я или Скрипач, такие изменения были бы возможны и для нас тоже? – спросил он наконец.

Искин молчал.

– Ты не можешь ответить?

– Не могу. Вернее, могу только предположить, что эти изменения возможны для Скрипача, а для тебя возможно что-то другое. То, что сделал Ит, привело в действие некий механизм, о котором не предполагал ни он сам, ни я, никто. Возможно, что-то подобное скрыто и в тебе тоже, но... пилот, на твоём месте я бы не стал рисковать.

– А ведь ты боишься, железяка, – задумчиво проговорил инженер. – Удивительно, но ты боишься. Чего боятся интеллектуальные системы? Чего ты вообще можешь бояться?

– Неизвестности, – ответил искин. – Того, что я не могу объяснить. Задачу, решения которой я не найду.

– Ясно, – Ри встал, поставил полную рюмку обратно на столик. – Пойду, посмотрю, как они там.

В медицинском блоке было гораздо теплее, чем в зале управления, свет искин приглушил, и инженеру тут же захотелось спать. Он зевнул, потер глаза. Какой там спать, не до того. Ри подошел к Скрипачу. Тот спал, по детски положив ладони под щеку. Сломанная нога оказалась стянута тонкой эластичной тканью, но когда Ри провел по ней рукой, ткань тут же затвердела под его пальцами. Ага, понятно. Значит, ткань реагирует на движение, но в состоянии покоя становится мягкой. Забавно.

Ри подошел к Иту и внимательно всмотрелся в его лицо. Да, созидающий и впрямь выглядел значительно худее, чем раньше, черты лица заострились, стали резче. В черных волосах Ри разглядел несколько белых нитей. Седина?..

– Это еще ничего, – вполголоса сказал искин. – Посмотри сюда, пилот.

Туман, в который было погружено тело Ита, растаял в районе груди, и Ри увидел, что на ней появился тонкий белый шрам, идущий чуть ли не от шеи, и спускающийся до солнечного сплетения.

– Я пытался убрать это, но шрам возникает снова. Он не один. Есть еще несколько. Шрамы очень старые, – пояснил искин. – Они старше, чем биологический возраст тела, на котором появились. Если судить по состоянию келоидной ткани, им больше ста пятидесяти лет. А ему – сорок. Но и это еще не все.

Ри потрясенно молчал. Страха он не испытывал, но в душе поселилась какая-то невнятная тревога.

– Пилот, приоткрой ему глаз и посмотри, – посоветовал искин.

– Какой глаз? Правый, левый?

– Любой.

Ри осторожно раздвинул Иту веки на правом глазу, секунду смотрел, потом убрал руку.

– Так что же это получается? Он что, все-таки гермо?..

– В том-то и дело, что нет, – мрачно заверил искин. – Он человек. Не смотря на все это, он – человек.

– У людей не бывает вертикальных зрачков, – возразил Ри. – К тому же детектор...

– А что детектор? Существовали модификации для людей, спроси потом Леона, он расскажет. Пилот, повторяю, я в растерянности. Надеюсь, что когда вернутся Бард и Сэфес, они сумеют хотя бы частично разобраться в происходящем.

Ри покивал.

– Плохо то, что Ит нам нужен, – с досадой сказал он. – Потому что он один способен обеспечить хоть какую-то за-

щиту. И работать мы с ним можем качественно только в тандеме. Если с ним что-то случится, то мы, скорее всего, вообще никуда не дойдем.

– Я бы не был столь категоричен. Дойдете, конечно. Но содействие такого... существа временами действительно полезно. Хотя сейчас от него не было бы никакого толку, ведь станцию ведешь ты.

– Да, действительно, – согласился Ри. – Станцию веду я. И переговоры тоже веду я... Ладно. Искин, дай-ка мне чистую одежду и поешь что-нибудь сделай. Оставим вопросы на потом, сейчас и других дел слишком много.

* * *

Бард и Сэфес прибыли на станцию, когда указанное Ри время уже подходило к концу, и инженер начал нервничать. Корабль остановился метрах в ста, Ри поспешно открыл проход, и через секунду Таенн, Леон и Морис уже стояли рядом с ним в зале управления. Несколько мгновений они неподвижно смотрели друг на друга, а затем Таенн бросился к Ри и, схватив инженера за обе руки, с восторгом и явным облегчением захохотал.

– Молодец... черт, какой же ты молодец, пареньь!.. – заговорил он. – Я до последней минуты в тебе не сомневался! Эти вон не верили, а ты...

– Это не я, – слабо отбивался Ри. – Мы все вместе... Та-

енн, ради всего святого, да отпусти ты меня!

Морис подошел к Ри и хлопнул его по плечу. Улыбнулся. Покачал головой.

– Силен, бродяга. Я на самом деле не верил, что обойдется. Вернее, хотел верить, но боялся сглазить.

– Такие вот мы суеверные Сэфес, – добавил Леон. – Ри, а где Ит и Скрипач?

– Оба в медицинском блоке.

– Что случилось? – напрягся Леон.

– Мы потом подробно расскажем. Если кратко – у Скрипача сломана нога, а Ит... спросите искина, у него есть отчет. Надеюсь, – добавил Ри и коротко глянул в потолок.

– Отчет будет позже, – отрапортовал искин. – Привет, ребята! Как же я рад вас видеть!

– И тебе привет, железяка ржавая, – отозвался Таенн. – Хороший пилот тебе достался, правда? Ри, что ты им пообещал в обмен на наши шкуры?

– Он им пообещал размолотить в пыль половину планеты, – пробурчал искин. – И был настолько убедителен, что ему поверили. Я ему и сам едва не поверил. Особенно после того, что учудил Ит.

– Да что случилось-то? – теряя терпение, спросил Леон.

Ри принялся рассказывать, стараясь не упустить подробности, которые казались ему важными. Бард и Сэфес внимательно слушали, не перебивая и не вмешиваясь, искин тоже молчал.

– Сейчас мне кажется, что можно было сделать иначе – просто остаться на месте и дожидаться нужного момента, – неуверенно закончил инженер. – Но в то же время...

– Да нет, если бы вы ждали, ничего бы не вышло, – отозвался Леон. – Нам, конечно, про ваши перемещения не рассказывали, но понервничать вы их заставили знатно. Особенно в последние дни.

– А что с вами делали? – спросил Ри.

– Да ничего, на самом деле, – отмахнулся Таенн. – Требовали, чтобы мы сняли капсуляцию. Мы сумели доказать, что это физически невозможно с нашими силами. Тогда они стали требовать, чтобы мы связались с теми, кто может это сделать. Мы сумели доказать, что вне секторальной станции и при закрытой капсуле такая связь невозможна. В общем, это был очень долгий и нудный словесный поединок. Не вмешайся ты, Ри, они бы нас тут и год продержали, задавая вопросы. Хорошо, что хоть не тронули... Зато вам досталось.

– Досталось преимущественно Иту, – печально сказал инженер. – То, что мы вообще дошли, его заслуга. И матрицы, с помощью которых он им морочил головы трое суток, и то, что он сделал на берегу – это все сыграло нам на руку, и я не представляю себе, что бы было, если бы не он. Мы бы не выбрались.

– Расскажи подробнее про его схему и про берег, – попросил Леон.

– В общем, схему он предложил следующую. Сначала он

бьет парализующим щитом по всем, до кого сумеет достать, а потом я подаю команду искину, одновременно активируя ключи, и мы уходим на станцию.

– Без его удара обойтись было нельзя? – спросил Таенн.

– Нельзя, он объяснил, почему. Нас ждали, и, даже пояись станция в нужный момент и в нужном месте, мы не успели бы активировать ключ, нас бы расстреляли раньше, – объяснил Ри. – Искин эту выкладку подтвердил.

– Наш созидающий внезапно научился считать, – задумчиво заметил Таенн. – Дальше?

– А дальше мы вышли на берег, Ит немножко заговорил им зубы, пока я готовился активировать ключ, потом он ударил, и... и все.

– Ударил одновременно по тысяче человек и достал всех? – со странным выражением на лице спросил Леон.

– Ну да, – Ри все еще не понимал.

– И остался после этого жив?

– Да.

– Феноменально, – все с тем же выражением медленно сказал Сэфес. – Ри, просто для справки. Никакой детектор не способен ни на что подобное. Детектор тут вообще ни при чем.

– Так что же это было? – недоуменно спросил Ри.

– Видимо, это был он сам. Ладно, когда очнется, будем выяснять, что это все значит, – хмуро заключил Морис. – Но мне это все нравится чем дальше, чем меньше.

– Простите, что прерываю, – вмешался искин, – но капсула скоро откроется. Давайте поговорим позже. Нам с Ри нужно работать.

Инженер, которого разговор уже давно тяготил, мысленно сказал искину «спасибо». Сэфес и Таенн отправились в медицинский блок, а Ри сел в кресло и попробовал сделать предварительный расчет выхода. Сейчас ему предстояло вывести секторальную станцию в пространство, пораженное атакой, и он поспешно прикидывал, что предстоит делать дальше – в пространстве, для которого нормальные расчеты недействительны.

– Курорт, мать твою, – бормотал Ри, прогоняя вероятность слой за слоем. – Отдохнули, блин. Кому бы рассказать...

Расслабляться было некогда.

Все действительно только начиналось.

Стовер Великолепный

Формула дьявола

Интуиция и вдохновение. Он долго думал, что же ведет его и почему вдруг решения стали приходить с такой невероятной скоростью, решения мало, что правильные, гениальные! Два столпа – интуиция и вдохновение. И еще удача, наверное. Потому что куда же без удачи.

Группа получилась отличная, Стовер с каждым днем убеждался в этом все больше и больше. Палач так и вообще оказался выше всяческих похвал – мгновенно установил контакт со всеми, младшим позволил называть себя дядей Мишей, для старших, вернее, для расчетной группы, назвался Михаилом, и с фантастической легкостью за трое суток подобрал «ключи» к каждому члену команды. Стовер понимал, что палач работает в обязательных для себя рамках, что команду (и предполагаемые реакции этой команды), он обязан знать на высшем уровне, но его приятно удивило то, что Михаил сумел не просто подобрать «ключи», но и понравится и всей команде вместе, и каждому ее члену в отдельности. Клайд и Хьюман (ставший для палача вскорости просто Ричи) смеялись вместе с ним над всякими веселыми историями из жизни, причем историями не всегда приличными, а с изрядной дозой крамолы. Агор и Аран начали посматривать

на палача уважительно после трехчасовой беседы о религии, и даже Грегори, всегда внешне невозмутимый, поглядывал на Михаила чуть ли не ласково – после душевном разговоре о настоящем героизме «маленьких людей».

Стовер заметил, что, беседуя с каждым членом команды, палач едва уловимо меняется. Для Агора и Арана он немножко вырос, кожа потемнела, на узком лице четко обозначились строгие носогубные складки. Для Клайда и Ричи палач помолодел лет на пять, лицо округлилось, а волосы сделались светлыми, больше похожими на волосы Клайда, чем на его собственные. Разговаривая с Грегори, он сутулился, глаза стали невыразительными и темными, гораздо более темными, чем помнил Стовер. Ночью, когда все уже спали, Стовер разбудил палача, и тот охотно подтвердил его предположения.

– Конечно, все правильно. Это программа «зеркало».

– То есть внешность действительно меняется?

– А для чего нужно зеркало, по-вашему? Я показываю человеку то отражение, которое удовлетворяет его больше всего. Лучшие черты, так сказать. То есть в его понимании – лучшие. Разговаривая со мной, человек разговаривает с собой, а какие от себя, родного, могут быть тайны?

– Но они же знают, кто вы такой на самом деле, – возразил Стовер.

– Конечно, знают, – покивал палач. – Но сейчас им чего бояться? Они же ничего плохого не делали. Микаэль, пой-

мите правильно – контакт и хорошая атмосфера в команде нужны в любом случае. Вы авторитарны, я либерален. Думаю, мы отлично сработаемся, потому что хорошо дополняем друг друга.

Ремарка про дополнения Стоверу совершенно не понравилась – еще не хватало, чтобы палач попробовал перехватить на себя управление. Но, как оказалось, Михаил предусмотрел и это.

– Я не претендую на власть, – напрямую сказал он, предупреждая следующий вопрос. – Но команду я знать обязан. И она обязана мне доверять. Иначе никакого сотрудничества у нас не выйдет. Представьте себе, что все на этом катере идут с вами из-за страха передо мной или перед вами, и работают из-под палки, сами того не желая? Представили? Вот для этого я и есть. Я и кнут, и пряник одновременно.

«И теперь мне придется молиться, чтобы ты пряником и остался, – закончил про себя Стовер. – Лучше бы я взял бабу, черт побери».

– Она еще хуже, – засмеялся палач. – Микаэль, ну я вас прошу...

– Еще и телепат, – заключил Стовер. – Bravo, дядя Миша.

– Микаэль, вы не обижайтесь, но вы слишком долго просидели со своей программой «Террана», – уже серьезно сказал палач. – То же «зеркало» используют все мои коллеги уже лет пятнадцать. Вы просто не в курсе.

– Интересно, о чем еще я не в курсе, – проворчал Стовер.

– Хотя бы о том, что сразу же после того, как меня наняли вы, со мной связался Теуш. Вам сообщить размер суммы, которую мне заплатили? Учтите, деньги я взял.

– Замечательно. Рад за вас.

– Спасибо. Так что я тут представляю не только ваши интересы, Микаэль, но и интересы Теуша и Антиконтроля, как организации, тоже. Однако, – палач сделал паузу и улыбнулся, – есть еще один человек, интересы которого превыше всего.

– И кто же это? – поинтересовался Стовер.

– Я сам. Но вы не волнуйтесь, я не нарушу работу команды и не потесню вас ни в коей мере. Тем более, что все интересующее я уже узнал. Не тревожьтесь. Спокойной ночи, Микаэль.

* * *

Проходить Индиго-сиур на катере Сэфес оказалось одно удовольствие. Агор и Аран, которых Стоверу после пары неудачных попыток удалось ввести в систему, были результатом более чем довольны – расчеты стали занимать втрое меньше времени, чем раньше. Пространственные коридоры решили пока что не использовать, шли по опорным точкам. Тут Стоверу пришлось поневоле сказать «спасибо» памяти и способностям погибшего «кота», без них так лихо ходить не получилось бы.

Проходя через миры, уже посещенные пятеркой, они собрали дополнительную информацию, и команда пришла в восторг – размер предполагаемой добычи превышал пределы разумного. Секторальная станция! Если все получится, то после этого дела можно будет вообще не работать никогда в жизни и, мало того, покрыть свое имя почетом и уважением на три поколения вперед. Станция – это вам не катер. Это куда серьезнее.

Однако на следующей точке вышла заминка.

– Далат. Не пойдем мы туда, – угрюмо заявил Аран, закончив вычисления. – Сильный конклав, а нам не нужны неприятности.

– Нельзя туда идти, – поддержал брата Агор. – Слишком опасно.

– На этом катере нам ничего не опасно, – возразил Стовер.

– Опасно, Микаэль, опасно. У Далата очень сильные друзья. Если в Далате то же, что и везде, то там уже есть Аарн. А что вы Аарн скажете? Что идете за станцией, чтобы катер им вернуть?

Они не шутили. Микаэль это знал. То есть, может быть, и шутили, но как-то очень на свой манер. Они не улыбались и сейчас, смотрели на Стовера неподвижными темными глазами.

– Если мы не пойдем в Далат, то куда же мы пойдем? – спросил Стовер. – У вас есть конкретные предложения или вы просто констатируете факт?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.